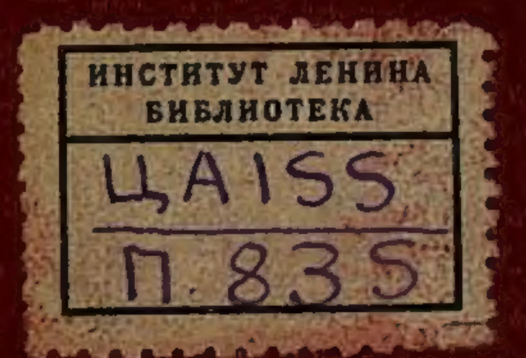
Поссе

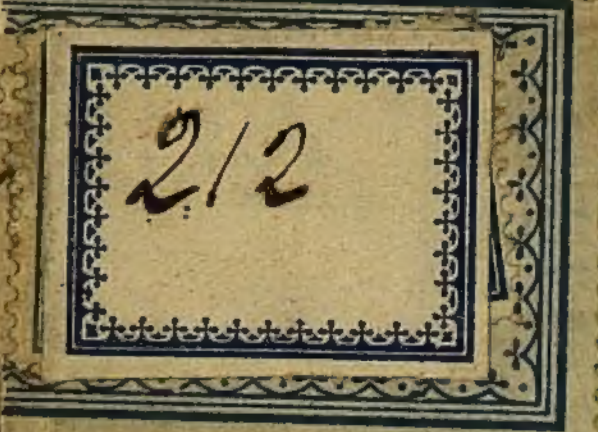
ВСЕОБЩИЕ СТАЧКИ

2-е

Русскаго Пролетарія.» — № 21.

GRÈVES

1 fr., 10 d., 80 pf.

В. А. ПОССЕ.

ВСЕОБЩІЯ СТАЧКИ

ИСПАНІЯ. — БЕЛЬГІЯ.
ШВЕЦІЯ. — АМЕРИКА. — ФРАНЦІЯ.
АВСТРІЯ. — ШВЕЙЦАРІЯ. — ГОЛЛАНДІЯ.
ИТАЛІЯ. — РОССІЯ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
116, rue de Carouge.
1903.

№ 21. — «Библіотека Русскаго Пролетарія.» — № 21.

В. А. ПОССЕ.

ВСЕОБЩІЯ СТАЧКИ

ИСПАНІЯ. — БЕЛЬГІЯ.
ШВЕЦІЯ. — АМЕРИКА. — ФРАНЦІЯ.
АВСТРІЯ. — ШВЕЙЦАРІЯ. — ГОЛЛАНДІЯ.
ИТАЛІЯ. — РОССІЯ.

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
116, rue de Carouge.
1903.

Предисловіе.

Пишущій эти строки давно уже принадлежитъ къ сторонникамъ «всеобщей стачки». Еще въ 1901-мъ году, задолго до начала всѣхъ всеобщихъ и массовыхъ стачекъ, описываемыхъ въ предлагаемой книгѣ, я помѣстилъ, подъ псевдонимомъ «Чужакъ» письмо въ редакцію «Свободнаго Слова», въ которомъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Рабочее движеніе выставляетъ на своемъ знамени устраненіе насилія человѣка надъ человѣкомъ, насилія, лежащаго въ настоящемъ соціальномъ строѣ, насилія, совершаемаго въ семьѣ, въ школѣ, въ тюрьмѣ, въ публичномъ домѣ, на фабрикѣ, въ казармахъ, въ церкви, на эшафотѣ и на полѣ сраженія.

Самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ этимъ «строемъ насилія» несомнѣнно будетъ стачка, въ понятіе которой входитъ и бойкотъ, стачка рабочихъ, стачка солдатъ, стачка плательщиковъ налоговъ, великая тройственная международная стачка, эта пассивная революція съ самыми активными и дѣйствительными результатами...»

«Стачка противъ собственныхъ правительствъ — вотъ настоящій путь къ стачкѣ международной, къ стачкѣ революціи...»

«Первое мая» я считалъ и буду считать путемъ къ всеобщей стачкѣ—революціи.

Въ майскомъ листкѣ «Жизни» 1902 года я выражалъ между прочимъ надежду, что полной забастовкой когда-нибудь отпразднуетъ «первое мая» «*весь* пролетаріатъ, во *всемъ* мірѣ, что когда-нибудь перваго мая устроится *всеобщая* праздничная стачка, и тогда...

тогда конецъ капиталистическому строю, который держится, главнымъ образомъ, разобщенностью пролетаріевъ».

Редактируя «Жизнь», я, конечно, старался пропагандировать идею всеобщихъ стачекъ; великая жизнь пролетаріевъ всѣхъ странъ давала для этого массу матерьяла.

Эта пропаганда нѣкоторыми русскими соціалдемократами считалась еретической, и мнѣ приходилось слышать не мало возмущенныхъ отзывовъ, особенно о моей статьѣ въ «Майскомъ Листкѣ».

Но, если жизнь, если всемірное рабочее движеніе за послѣдніе $1^1/_2$ года подтверждало мою вѣру въ всеобщую стачку, то она же должна была нѣсколько ослабить негодованіе «сознательныхъ соціалдемократовъ», противъ пропагандистовъ этого «анархическаго средства».

Поэтому я выражаю надежду, что сознательные соціалдемократы, если и не одобрятъ предлагаемой книжки, то все же и не будутъ препятствовать ея распространенію.

Очерки всеобщихъ и массовыхъ стачекъ являются отчасти обработанными отрывками моихъ «иностранныхъ обозрѣній», отчасти написаны вновь спеціально для этой книжки, которую Г. А. Куклинъ любезно согласился издать въ своей «Библіотекѣ Русскаго Пролетарія».

В. Поссе.

Апрѣль, 1903 г.

Испанскія всеобщія стачки 1902 и 1903 г.г.

Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія была очень распространена символическая карта Европы, на которой Пиренейскій полуостровъ закрытъ *черной рукой* съ растопыренными пальцами. Авторъ этой карты имѣлъ въ виду пресловутое тайное общество «Mano negro» («черная рука»), «открытое» въ 1882 г. въ испанской провинціи Андалузіи начальникомъ полиціи города Жереса дономъ Монфортэ. Монфортэ нашелъ даже подъ какимъ-то камнемъ въ полѣ уставъ этого страшнаго общества, обязывающій его членовъ—рабочихъ и крестьянъ бороться съ землевладѣльцами и капиталистами путемъ убійствъ, грабежа и поджоговъ. Испанское правительство рѣшило принять для уничтоженія «Черной руки» драконовскія мѣры. Начались массовые аресты среди рабочихъ и крестьянъ, «занимающихся политикой» или пытающихся объединиться въ профессіональные союзы. За арестами послѣдовали процессы, которые велись по средневѣковому, инквизиторскому способу съ устрашеніями и пытками. Подъ рукоплесканія испуганной буржуазіи всѣхъ странъ и національностей восемь человѣкъ были казнены (задушены испанскимъ желѣзнымъ ошейникомъ — гарротой), десятки другихъ осуждены на вѣчное заключеніе съ вѣчными кандалами.

Нынѣ черезъ 20 лѣтъ, благодаря героическимъ усиліямъ энергичной испанки-анархистки Соледадъ Густаво выяснилось съ полною несомнѣнностью, что никакого тайнаго общества «Черной руки» не существовало, что уставъ его написанъ начальникомъ полиціи, Монфортэ, что оно выдумано испанской полиціей для борьбы съ послѣдней вѣтвью знаменитаго «Международнаго товарищества рабочихъ» («Интернаціонала»). Всѣ казненные и закованные въ вѣчные оковы оказывается не совершили никакихъ престу-

пленій противъ общаго права и пострадали исключительно за дѣятельное участіе въ «товариществѣ рабочихъ», которое не было даже запрещено испанскими законами. Тайнаго общества «Черной руки» никогда не существовало, но на Пиринейскомъ полуостровѣ уже цѣлые вѣка тяготѣетъ страшная черная рука іезуитовъ, монаховъ и полицейскихъ, всѣхъ этихъ вѣрныхъ стражей народнаго невѣжества и угнетенія богатымъ бѣднаго.

И въ моментъ освобожденія изъ оковъ нѣсколькихъ жертвъ Монфортэ, оставшихся еще въ живыхъ, организованные рабочіе Испаніи дѣлаютъ героическія усилія, чтобы освободить народъ отъ черной руки іезуитовъ, поповъ и полицейскихъ, отъ черной руки, которую умѣла приспособить для своихъ цѣлей испанская буржуазія. Трудна борьба испанскаго пролетаріата, но ведетъ онъ ее необычайно рѣшительно и смѣло, держа всю Испанію въ непрерывномъ революціонномъ возбужденіи, нанося удары въ самый корень существующаго строя, стараясь добиться для народа не временныхъ облегченій, а дѣйствительнаго и полнаго освобожденія.

Революціонное движеніе происходитъ въ Испаніи постепенно усиливающимися вспышками. Центрами его являются промышленные города Каталоніи—Барцелона, Рейсъ и др.

Расцвѣтъ капиталистической промышленности въ Каталоніи создалъ въ настоящее время такія пролетарскія силы, съ которыми не справиться черной рукѣ самого буржуазнаго дьявола. И отсюда изъ промышленной Каталоніи революціонный пожаръ переносится въ деревенскую Андалузію, и на подмогу городскому пролетаріату является пролетаріатъ деревенскій...

Въ Барцелонѣ руководителями рабочихъ являются не столько «соціалисты», сколько анархисты или, какъ они себя въ Испаніи называютъ, *либертеры*.

Либертеры, какъ и соціалисты, стремятся къ устраненію буржуазно-капиталистическаго строя и думаютъ, что это возможно путемъ уничтоженія правительства, выразителя и защитника этого строя. Они не считаютъ нужнымъ выжидать, пока капиталистическій строй созрѣетъ для паденія, они хотятъ осуществить свои идеалы теперь же и наиболѣе цѣле-

сообразнымъ, если не единственнымъ средствомъ для этого считаютъ *всеобщую стачку* пролетаріевъ, отъ фабричныхъ рабочихъ до домашней прислуги включительно; при этомъ они, конечно, стоятъ и за стачку солдатъ.

Испанскіе соціалисты, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный Пабло Иглезіасъ, находятъ тактику либертеровъ крайне вредной для дѣла освобожденія рабочаго класса и всѣми силами противодѣйствуютъ ихъ пропагандѣ и агитаціи. Со стороны, не зная хорошенько условій испанской жизни, трудно рѣшить, насколько правы испанскіе соціалисты въ своей непримиримой враждѣ къ либертерамъ, но послѣднія испанскія событія показываютъ, что партія Пабло Иглезіаса не достаточно считается съ настроеніемъ трудящихся массъ. Событія эти очень серьезны и знаменательны, если даже основываться исключительно на показаніяхъ Иглезіаса *), несомнѣнно старающагося уменьшить ихъ значеніе; и онъ долженъ признать, что во время барцелонской стачки 1902 г. въ теченіе цѣлаго дня «организаторы» ея были хозяевами города.

Въ октябрѣ 1901 года въ Мадридѣ состоялся конгрессъ испанскихъ рабочихъ, въ которомъ приняли участіе триста рабочихъ союзовъ, имѣющихъ въ общемъ 70000 членовъ. Конгрессъ вотирѣвалъ между прочимъ «договоръ солидарности», по которому союзы обязывались поддерживать другъ друга въ оборонительной и наступательной борьбѣ съ капиталистами-предпринимателями, и не только денежными пособіями, но и «стачками по симпатіи»**)

Вскорѣ послѣ этого конгресса металлургическіе рабочіе начали агитацію съ цѣлью добиться 9-ти часового рабочаго дня. Переговоры съ представителями промышленныхъ «компаній», выдающихъ своимъ акціонерамъ по $50^0/_0$, не привели ни къ какому результату. Въ декабрѣ 10000 металлургическихъ рабочихъ забастовали, не смотря на то, что средства были очень

---

*) См. Mouvement Socialiste, 8 Mars 1902, «Justice» London 29 March 1902.

**) Если одинъ изъ союзовъ не можетъ добиться поставленныхъ требованій своей единичной стачкой, то члены другихъ союзовъ должны поддержать его, тоже забастовавъ.

незначительны, вслѣдствіе большого числа безработ-
ныхъ. Быстро развилась страшная нужда, начался
голодъ. но все же въ теченіе первымъ 8 недѣль ста-
чечники пытались бороться собственными силами и
только въ февралѣ 1902 г. обратились къ барцелон-
скимъ союзамъ, напоминая о «договорѣ солидарности».
15 февраля въ Барцелонѣ состоялось 72 народныхъ
собранія, на которыхъ единогласно было принято рѣ-
шеніе устроить всеобщую стачку. Правительству была
предварительно подана петиція съ просьбою вмѣшаться
въ пользу металлургическихъ рабочихъ, но, конечно,
петиція не имѣла никакого результата.

Въ воскресенье состоялись снова собранія, на ко-
торыхъ главными ораторами явились либертеры, на-
ходившіе, что прошло время обсужденій, пора дѣй-
ствовать. «Встаньте, товарищи и граждане!» говори-
лось въ воззваніи — «прекратите всякую работу, ме-
тельщики точно также, какъ машинисты, слуги точно
также, какъ типографщики, и даже прикащики, — всѣ,
кто работаетъ! Чтобы ничто не двигалось, чтобы все
остановилось, чтобы сопротивленію богатыхъ вампи-
ровъ отвѣтила пустота, молчаніе. всеобщій голодъ!
Безъ ѣды, безъ питья, безъ удовольствій наши враги
капитулируютъ».

«Соціалисты» держались въ сторонѣ, чувствуя
свою слабость въ Барцелонѣ. но въ другихъ городахъ
они употребили все свое вліяніе, чтобы удержать ра-
бочихъ отъ «стачекъ по симпатіи».

Въ понедѣльникъ 17 февраля утромъ вся работа
въ Барцелонѣ остановилась. Магазины были закрыты,
движеніе остановилось, многіе господа остались безъ
обѣда, такъ какъ стачечники конфисковали провизію.
Весь день стачечники были хозяевами города. Къ ве-
черу военная власть объявила осадное положеніе,
палата немедленно голосовала отмѣну всѣхъ консти-
туціонныхъ гарантій (свободы личности, слова, собра-
ній и т. д.). Начались стычки между войсками и ра-
бочими. Жандармы старались захватить вождей. въ
тюрьмахъ торопились прикончить съ наиболѣе важ-
ными арестантами. Стычки продолжались до пятни-
цы; по словамъ Иглезіаса со стороны стачечниковъ
убито было около 40 человѣкъ, ранено болѣе 200.
Стачка между тѣмъ распространилась на Сансъ, Са-

баделю, Терассу. Таррагону и Рейсъ; повсюду происходили схватки съ войсками, повсюду были раненные и убитые.

Въ Мадридѣ, Бильбао, Вальядолидѣ, Валенціи, Сарагоссѣ и т. д. «соціалистамъ» удалось остановить рабочихъ отъ поддержки каталонскихъ товарищей, и Иглезіасъ, видимо, тщеславится этимъ успѣхомъ своего благоразумія.

Съ Барцелоной и окружающими его небольшими промышленными городками правительству скоро удалось справиться, и въ Испаніи *временно* водворился порядокъ.

Поведеніе Иглезіаса и его товарищей вызвало въ соціалистическихъ кругахъ другихъ странъ понятное недоумѣніе, и онъ единолично и въ союзѣ со всѣмъ комитетомъ испанской соціалистической рабочей партіи поспѣшилъ разослать во всѣ видные соціалдемократическіе органы «разъясненіе».

Не знаю, какое впечатлѣніе произвело это «разъясненіе» на другихъ, но моего, напр. недоумѣнія оно нисколько не разсѣяло.

Иглезіасъ въ своемъ разъясненіи раздраженно нападаетъ на анархистовъ, полагая, что они вызываютъ стачку лишь въ интересахъ своей личной «амбиціи», но дѣло не въ анархической амбиціи, а въ невыносимо тяжеломъ положеніи испанскаго пролетаріата, не имѣющаго никакихъ основаній надѣяться на какуюнибудь помощь со стороны буржуазной палаты депутатовъ, въ которую онъ не можетъ при теперешнемъ политическомъ режимѣ провести своихъ представителей.

Отказываться отъ борьбы путемъ стачекъ онъ не можетъ, хотя бы вначалѣ эти стачки и оканчивались неудачно. Онѣ во всякомъ случаѣ воспитываютъ пролетаріатъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ благоразуміе Иглезіаса.

Совершенно непонятно, акъ могутъ «соціалисты» отговаривать рабочихъ поддерживать собратьевъ по труду и несчастью, когда тѣ борются противъ буржуазіи и правительства.

Иглезіасъ говоритъ, что стачка была плохо организована, но почему же «соціалисты» не приложили своихъ усилій, чтобы лучше организовать ее? Иглезі-

асъ соглашается передать поведеніе испанскихъ соціалистовъ на судъ ближайшаго международнаго рабочаго конгресса, но вѣдь этотъ конгрессъ, какъ и многіе предыдущіе, начнется, навѣрное, съ насильственнаго удаленія изъ залы анархистовъ, въ томъ числѣ и испанскихъ «либертеровъ»; а между тѣмъ ихъ бы не мѣшало выслушать въ вопросѣ о барцелонской стачкѣ.

Я — не анархистъ, но мнѣ не понятна та жгучая ненависть, которую нѣкоторые изъ соціалдемократовъ питаютъ къ анархистамъ, считая ихъ самыми заклятыми врагами рабочаго класса. Мнѣ кажется, что, напримѣръ, «анархическій» вопросъ о всеобщей стачкѣ рабочихъ, солдатъ и плательщиковъ налоговъ заслуживаетъ самого серьезнаго вниманія и со стороны соціалдемократовъ.

Упоминая въ первой книжкѣ освобожденной «Жизни» о барцелонской стачкѣ, я выражалъ увѣренность, что испанскій «порядокъ» «скоро нарушится вспышкой еще болѣе серьезной, чѣмъ въ февралѣ 1902 года». Дѣйствительно, ровно черезъ годъ въ февралѣ 1903 года «порядокъ» былъ снова нарушенъ *всеобщими стачками* въ Рейсѣ, Кадиксѣ и многихъ городахъ и мѣстностяхъ.

Въ Рейсѣ, одномъ изъ главныхъ промышленныхъ центр. въ Каталоніи стачка началась на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ январѣ 1903 года требованіемъ сокращенія рабочаго дня до 9 часовъ.

Черезъ нѣсколько дней работа пріостановилась во всѣхъ фабрикахъ и мастерскихъ города. Къ стачечникамъ изъ симпатіи присоединились типографщики, булочники, извощики, прикащики и т. д. Движеніе пріостановилось, газеты перестали выходить, начался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и т. д. Въ то же время изъ чувства солидарности забастовали всѣ рабочіе въ Кадиксѣ, гдѣ также всеобщая стачка пріостановила всю жизнь тѣмъ болѣе, что забастовали и желѣзнодорожные служащіе, и портовые рабочіе. Подвозъ припасовъ прекратился, въ пекарни для изготовленія хлѣба по распоряженію правительства командированы были солдаты. Буржуа въ страхѣ спѣшили бѣжать изъ города. Рабочіе ежедневно устраивали манифестаціи и не разъ жандармамъ, пытавшимся «возстановить порядокъ», приходилось отступать. Въ

Барцелонѣ забастовали всѣ красильщики и рабочіе по дереву, но всеобщей стачки вызвать не удалось.

За то на этотъ разъ много солидарности показали сельскохозяйственные рабочіе, которые въ Андалузіи и другихъ провинціяхъ массами бросали работу, чтобы поддержать своихъ городскихъ братьевъ. Районъ стачечнаго движенія все расширялся, и правительство стало терять голову, не рѣшаясь на этотъ разъ объявить осаднаго положенія.

Ему, какъ представителю всей испанской буржуазіи, пришлось оказать давленіе на рейсовскихъ фабрикантовъ, и тѣ уступили, согласившись на требованіе рабочихъ сократить рабочій день до 9 часовъ. Въ Рейсѣ всеобщая стачка тотчасъ прекратилась (11 февраля 1903 года), но вызванное ею движеніе въ другихъ мѣстностяхъ Испаніи еще продолжается, стихая въ одномъ мѣстѣ, разгораясь съ новою силою въ другомъ...

Какъ разъ наканунѣ прекращенія всеобщей стачки въ Рейсѣ — рабочіе Кадикса заставили закрыть въ своемъ городѣ всѣ магазины, остановили желѣзнодорожное движеніе, и, обративъ въ бѣгство жандармовъ, произвели грандіозную манифестацію, пройдя по городу съ тѣломъ убитаго жандармами товарища. «Въ городѣ царитъ страшная паника» — гласили газетныя телеграммы.

Извѣстіе о побѣдѣ рейсовскихъ рабочихъ и прекращеніи тамъ стачки успокоили, конечно, и рабочихъ въ Кадиксѣ. Но въ тотъ моментъ, какъ мы пишемъ эти строки, «порядокъ» въ Испаніи далеко еще не возстановленъ и «паника буржуазіи» далеко еще не улеглась. Повидимому, революціонное движеніе въ формѣ «всеобщей стачки» приняло въ Испаніи хроническій характеръ и окончится только тогда, когда, *слившись съ подобнымъ же движеніемъ въ другихъ странахъ*, низвергнетъ черную руку международныхъ эксплуататоровъ и установитъ на землѣ порядокъ пролетарской справедливости.

Замѣчательно, что всеобщестачечному движенію начинаетъ активно сочувствовать и часть испанскихъ студентовъ, желающихъ быть на сторонѣ будущаго, а не прошлаго.

И въ другихъ странахъ *истинная* интеллигенція должна въ концѣ концовъ примкнуть къ борьбѣ съ

существующимъ соціальнымъ строемъ. По всей вѣроятности, всеобщая стачка рабочихъ будетъ въ рѣшительную минуту поддержана и всеобщей стачкой плательщиковъ налоговъ и всеобщей стачкой солдатъ. Въ Каталоніи уже были попытки организовать массовой отказъ отъ уплаты налоговъ. Для стачки солдатъ въ Испаніи сдѣлано еще очень мало, и это, кажется, самый слабый пунктъ ея революціоннаго движенія.

Что касается до оппозиціи такъ называемыхъ «соціалистовъ» то она должна, конечно, прекратиться или, что тоже самое, превратиться въ оппозицію нѣсколькихъ бывшихъ вожаковъ.

Бельгійская всеобщая стачка 1902 г.

Въ Бельгіи, болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, пролетаріатъ, дѣйствительно, съ бою беретъ свое право голоса въ законодательной жизни страны, поддерживаемой его трудомъ.

Германскій пролетаріатъ сразу получилъ всеобщую, равную, прямую и тайную подачу голосовъ, благодаря *исторической необходимости*, сдѣлавшей невозможной объединеніе Германіи безъ демократическихъ реформъ; бельгійскому пролетаріату приходится создавать эту историческую необходимость, приходится упорной и самоотверженной борьбой шагъ за шагомъ уничтожать избирательныя привилегіи господствующихъ классовъ и отвоевывать себѣ равное съ ними право голоса.

До 1893 года въ Бельгіи существовала цензовая избирательная система, совершенно устранявшая отъ выборовъ огромное большинство неимущихъ и трудящихся. Борьба противъ этой системы началась съ середины 80-хъ годовъ, когда сознательность и организованность бельгійскихъ рабочихъ достигли достаточной для этого высоты.

Въ 1886-мъ году въ Люттихѣ и каменноугольныхъ мѣстностяхъ произошли массовыя стачки, сопровождавшіяся столкновеніями съ войсками: около ста чело-

вѣкъ было убито. Стачечники требовали, между прочимъ, всеобщей подачи голосовъ. И съ тѣхъ поръ это требованіе уже не сходитъ съ очереди, постоянно поддерживая пролетаріатъ въ революціонномъ настроеніи. Это настроеніе достигаетъ своей высшей точки въ 1891-мъ году и совпадаетъ съ брюссельскимъ международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ.

Пишущему эти строки пришлось лично наблюдать тогдашнее приподнятое, революціонное настроеніе бельгійскаго пролетаріата.

«Каково въ настоящее время»—писалъ я въ 1891-мъ году — «настроеніе бельгійскихъ рабочихъ и какое значеніе они придаютъ ободряющимъ, сочувствующимъ голосамъ представителей чужеземныхъ рабочихъ партій, лучше всего показываютъ двѣ демонстраціи, устроенныя въ честь членовъ конгресса.

Первая происходила 16-го августа въ Брюсселѣ. Въ 3 часа, около «Maison du Peuple», гдѣ засѣдалъ конгрессъ, собралась тысячная толпа и подъ звуки революціоннаго марша, съ красными знаменами, предводительствуемая «соціалистической гвардіей» («Jeunes Gardes socialistes») двинулась по главнымъ улицамъ Брюсселя къ Théatre Lyrique, гдѣ былъ устроенъ рабочій праздникъ.

Зала была убрана красными знаменами, фригійскими колпаками и другими аттрибутами революціи: голова королевской статуи завѣшана краснымъ платомъ; передъ ней почтавленъ бюстъ Цезаря Папэ, извѣстнаго бельгійскаго соціалиста, умершаго въ этомъ (1891) году.

Праздникъ начался пѣніемъ. Одна за другой гремѣли грозныя, революціонныя пѣсни, все сильнѣе и сильнѣе электризуя слушавшую ихъ толпу. Среди пѣвцовъ показался высокій старикъ съ длинными сѣдыми волосами, въ черной широкой одеждѣ. Это — первый регентъ «рабочаго хора», много лѣтъ тому назадъ положившій ему начало. Его встрѣчаютъ виваты. При аплодисментахъ и сочувственныхъ крикахъ цѣлуетъ онъ новаго регента, завѣщаетъ ему свято служить революціонной идеѣ, поддерживая мощными пѣснями бодрость угнетенныхъ. Толпа требуетъ марсельезу. Старика садятъ подъ развернутое красное знамя, и звуки марсельезы, сначала тихіе, спокойные.

растутъ все мощнѣе и мощнѣе. «Aux armes, citoyens» («Къ оружію, граждане!») вырывается съ страшною силой. Вдали раздаются выстрѣлы, слышенъ звукъ оружія, по толпѣ пробѣгаетъ отвѣтный крикъ...

Въ саду уже начались военныя упражненія молодой рабочей гвардіи. Ловко управляютъ «соціалистическіе гвардейцы» старыми заржавѣлыми штыками, то будто нападая, то будто защищаясь за баррикадами. Потомъ начинаются гимнастическія упражненія, а затѣмъ и танцы. Весело зазвучали игривые звуки и сотни паръ завертѣлись въ вихрѣ вальса.

Другое празднество имѣло больше отношенія къ конгрессу и вообще больше значенія.

Рабочіе Гента, — одинъ изъ главныхъ очаговъ соціализма, — пригласили къ себѣ въ воскресенье, 23-го августа, всѣхъ иностранныхъ делегатовъ конгресса. Къ ихъ услугамъ былъ предоставленъ спеціальный поѣздъ. Съ самаго утра, съ выхода изъ брюссельскаго «Народнаго Дома» и до возвращенія туда же они были предметомъ самыхъ горячихъ овацій. По желѣзнодорожной линіи стояли толпы рабочихъ, и махая красными платками, провожали соціалистическій поѣздъ привѣтственными криками.

Въ Гентѣ улицы полны народомъ, для процессіи остается только узкій проходъ. Повсюду виваты; делегаты идутъ съ обнаженными головами. Въ залѣ соціалистическаго собранія угощеніе и, конечно, рѣчи одна другой революціоннѣе. Затѣмъ обѣдъ въ городской ратушѣ. Здѣсь произносятся рѣчи почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Обѣдъ заканчивается марсельезой и карманьолой. Куплеты поетъ слабымъ голосомъ молоденькая дѣвушка лѣтъ 16-ти, ихъ поддерживаютъ всѣ присутствующіе.

Послѣ обѣда—осмотръ кооперативныхъ учрежденій «Vooruit» («Впередъ»). Повсюду оваціи. Изъ домовъ выходятъ старухи, молодыя женщины, дѣти. У многихъ на глазахъ слезы. Въ Брюсселѣ возвращающихся делегатовъ встрѣчаетъ толпа рабочихъ со знаменами, разноцвѣтными фонарями и факелами...

Весь воздухъ напоенъ революціей, повсюду пѣсни, оскорбительныя для короля и правительства. Правительству приходится дѣйствовать,—но какъ? Употреблять репрессаліи уже поздно: тотчасъ вспыхнетъ рево-

люція, которая потрясетъ и политическій, и соціальный строй. Потушить ее не удастся; въ войска уже проникла пропаганда. «Намъ не надо оружія противъ солдатъ, — говорятъ рабочіе, — мы откроемъ имъ наши груди, но они не станутъ стрѣлять въ сердца братьевъ».

Правительству приходится приступить къ реформамъ, и первая реформа—всеобщая подача голосовъ».

Дѣйствительно въ томъ же 1891-мъ г. правительство и католическое большинство палаты заявили о своемъ согласіи «пересмотрѣть конституцію» и расширить избирательное право. Начались переговоры между буржуазными партіями, появилась масса проектовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ масса проволочекъ.

Дѣло грозило ограничиться одними обѣщаніями и проектами. Наконецъ, въ 1893-мъ году, рабочіе заявили, что, если не будетъ немедленно вотирована всеобщая подача голосовъ, они начнутъ *всеобщую стачку*, для которой были сдѣланы уже всѣ приготовленія.

Въ то же время начались уличныя демонстраціи; войска отказывались итти противъ рабочихъ.

Испуганныя палаты почти безъ преній вотировали всеобщую подачу голосовъ (апрѣль 1893 г.), но сумѣли все таки испортить ее установленіемъ «множественнаго голосованія». Новый законъ далъ право голоса всѣмъ гражданамъ мужскаго пола, имѣющимъ постоянное мѣстожительство, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года, начиная съ 25 лѣтняго возраста, но нѣкоторымъ категоріямъ гражданъ онъ далъ вмѣсто одного два и даже три голоса. Двойной голосъ получили отцы семейства, 35 лѣтъ, платящіе не менѣе 5-ти франковъ прямыхъ налоговъ; собственники; чиновники и окончившіе среднее учебное заведеніе. Тройной голосъ получили лица, соединяющіе, по крайней мѣрѣ, два изъ указанныхъ условій.

Во всякомъ случаѣ это была огромная уступка, давшая возможность пролетаріату провести въ палату болѣе 30 представителей, тогда какъ раньше представителей рабочихъ въ палатѣ совсѣмъ не было.

Рабочіе на время успокоились, но агитація въ пользу всеобщей подачи голосовъ въ ея чистомъ видѣ продолжалось.

Въ концѣ апрѣля 1899 года правительство пытается подъ предлогомъ введенія пропорціональной системы выборовъ еще ухудшить избирательный законъ 1893 года, усиливъ представительство клерикально-консервативныхъ округовъ. Это снова вызываетъ взрывъ возмущенія среди рабочихъ, которые снова готовятся къ всеобщей стачкѣ и революціи. «Королевскому» министерству Ванденпирбата приходится взять свой проектъ обратно и выйти въ отставку. Новое министерство Смета-де-Нейера проводитъ пропорціональное представительство, но избирательнаго закона не ухудшаетъ.

Рабочіе все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе настаиваютъ на всеобщей *равной* подачѣ голосовъ и уничтоженіи множественнаго голосованія.

Парламентскіе вожаки рабочихъ задумали добиться исполненія этого требованія путемъ союза съ либералами и христіанскими демократами и дѣйствовать, не нарушая «порядка и законности».

Но большинство рабочаго пролетаріата мало сочувствовало этому неестественному союзу и хотѣло опираться исключительно на свои силы и дѣйствовать своимъ оружіемъ — всеобщей стачкой.

Вожакамъ пришлось считаться съ этимъ настроеніемъ, но связанные союзомъ съ буржуазными партіями они не могли дѣйствовать достаточно рѣшительно. и этимъ отчасти объясняется, что грандіозная «всеобщая стачка», охватившая всю Бельгію, показавшая необычайную солидарность всего бельгійскаго пролетаріата, не принесла ему никакихъ *непосредственныхъ* выгодъ.

Стачка началась 16-го апрѣля 1902 г. и достигла своего полнаго развитія къ 18 апрѣлю, когда не работало болѣе 300.000 человѣкъ.

Эти 300.000 своимъ самоотверженнымъ протестомъ, своимъ мирнымъ «возстаніемъ производителя на основѣ производства» старались оказать давленіе на депутатовъ, обсуждавшихъ вопросъ о пересмотрѣ конституціи въ смыслѣ установленія всеобщаго избирательнаго права.

Пренія въ палатѣ велись очень горячо, но съ жаромъ говорили лишь соціалистическіе вожди; либералы и «христіанскіе демократы» думали лишь о томъ, какъ

бы всеобщая стачка) не перешла въ настоящую революцію, тѣмъ болѣе, что на улицахъ Брюсселя и нѣкоторыхъ другихъ городовъ начались уже столкновенія рабочихъ съ «гражданской гвардіей», въ которой много враговъ рабочихъ—зажиточныхъ буржуа. Въ Брюсселѣ было убито 4 рабочихъ: въ Лувенѣ—6.

Рѣчи соціалистическихъ депутатовъ еще болѣе испугали «либеральныхъ союзниковъ», а рѣчи эти, дѣйствительно звучали сильно.

«Вы протестуете противъ революціи»—воскликнулъ соціалистъ Демблонъ, обращаясь къ клерикаламъ. — «Но зачѣмъ же вы произвели революцію 1830 года? Зачѣмъ ваши друзья борются противъ республики во Франціи? Зачѣмъ карлистскіе католики устраиваютъ заговоры и возстанія въ Испаніи?

Вы говорите объ отечествѣ?

Вы любите отечество, какъ дикій звѣрь любитъ добычу, которую онъ пожираетъ. Почему вы сами не защищаете вашего отечества? Мы выходили на улицу въ это страшное время волненій, мы получали удары, мы старались успокоить толпы; вы же не осмѣливаетесь вернуться въ ваши провинціальные города, вы остаетесь въ Брюсселѣ. У васъ не хватаетъ отваги защищать свои привилегіи, какъ защищали ихъ рыцари среднихъ вѣковъ, и это лучше всего доказываетъ, что ваше могущество падаетъ. Вы не больше имѣете права говорить объ отечествѣ, чѣмъ проститутки о любви! За насъ общественное мнѣніе, и мы восторжествуемъ. Вы говорите о религіи, вы называете насъ ея врагами. Но какой религіи? Существуютъ десятки религій. Я знаю вашихъ сторонниковъ, которые придерживались многихъ религій, знаю и такихъ, которые не придерживались ни одной. Вы не больше вѣрите въ свои догмы, чѣмъ я, но вы не осмѣливаетесь въ этомъ сознаться!

Забастовали и католическіе рабочіе, вы не заботились о нихъ. Это вѣдь только бѣдняки. Вы говорите о собственности. Мы сотни разъ провозглашали здѣсь нашъ соціалистическій идеалъ. Вы могли противоставить ему лишь нелѣпости, въ которыя сами не вѣрите. Двѣ трети пахатныхъ земель обрабатываются въ Бельгіи арендаторами. Вотъ она экспропріація! Всеобщая стачка превзошла всѣ наши ожиданія. Мы поставили

на ноги болѣе 300000 человѣкъ; забастовали въ многихъ округахъ, гдѣ никогда не было стачки. Вы защищаете вашу конституцію только потому, что она освящаетъ ваши привилегіи. Вы ничѣмъ не можете извинить свой отказъ въ пересмотрѣ. Ваше единственное прибѣжище—грубая сила. И нѣтъ теперь бюргера и нѣтъ рабочаго. которымъ не ясна была-бы преступность вашего сопротивленія.

Бельгійскій народъ не забудетъ этого страшнаго урока совершившихся событій. Законъ, истина, право, справедливость—это для васъ слова, скрывающія ваши преступленія и вашу двуличность. Противъ вашихъ насилій мы въ законной самооборонѣ. Необходимо, чтобы народъ, при посредствѣ своей экономической организаціи, восторжествовалъ надъ вашей партіей безъ идеала. Мы совѣтовали и будемъ совѣтовать легальную агитацію, но скоро придетъ день, когда мы противъ нашей воли должны будемъ отдать силу на служеніе праву, чтобы изъ силы вышло право.“

Вслѣдъ за Демблономъ поднялся соціалистъ Смитсъ, говорившій не съ меньшимъ одушевленіемъ:

„Нѣтъ, вы не похороните всеобщаго избирательнаго права!—воскликнулъ Смитсъ, — вы плохіе политики. Вы прибѣгаете къ риску двинуть армію на народъ, вы рискуете всѣмъ, чтобы выиграть нѣсколько мѣсяцевъ. И министръ предупредилъ насъ, что армія исполнитъ свой долгъ. Не было-бы это угрозой? То, о чемъ мы предупреждали, все исполнилось, въ томъ числѣ и всеобщая стачка. Вы хотите массовыхъ избіеній, мы-же не хотимъ, чтобъ дѣти народа убивали дѣтей народа. Вы не заботитесь объ умѣ и совѣсти сыновъ рабочаго народа, подождите-же, вы не знаете, какъ сыны народа любятъ другъ друга, будь они солдаты, или нѣтъ. Знаете-ли вы, что стачечники Серенга въ первый день стачки кормили солдатъ?! И вы еще христіане! Вы вѣрите въ Бога, въ небо. Вы держитесь закона вашего синайскаго пророка: „Чти отца твоего и мать твою и долголѣтенъ ты будешь на землѣ“. И вы желаете, чтобы дѣти рабочихъ убивали отца, мать, братьевъ и сестеръ. Вы не видите, что это соціалисты, которые напоминаютъ объ уваженіи къ вашему Богу. Вы не вѣрите въ вашего Бога, иначе вы начали бы повиноваться ему *(движеніе среди депутатовъ)*. „Люби

своего ближняго, какъ самого себя". Вы-же говорите: „Стрѣляй!" Это—законъ (*браво*). „Не дѣлай другому того, чего ты не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ". Нѣтъ, фламандскіе солдаты не станутъ стрѣлять въ своихъ валлонскихъ братьевъ (*браво*). Однажды въ Вервьѣ солдатъ убилъ рабочаго, король наградилъ его орденомъ, но вы знаете ли, гдѣ онъ умеръ? Онъ умеръ въ сумасшедшемъ домѣ. Такъ кончите и вы, господинъ министръ, если вы еще прольете кровь.

Мы такъ увѣрены въ окончательной побѣдѣ, что не хотимъ, чтобъ убивали, ибо убитъ-ли жандармъ, убитъ-ли рабочій — всегда убитъ человѣкъ (*движеніе*). И вотъ почему мы не боимся обратиться къ королю, который не долженъ быть королемъ католиковъ, но королемъ всего народа. 300.000 стачечниковъ, 300.000 хозяйствъ съ женами и дѣтьми въ нищетѣ! Ваше величество, не заставляйте еще проливать ихъ кровь, не посылайте принца Альберта противъ народа! Я говорю, что, если король этого хочетъ, онъ разрѣшитъ кризисъ. переживаемый страной, и завтра-же повсюду будетъ установленъ миръ". (*Сильное волненіе, крики браво*). Радикалъ Янсонъ прерываетъ оратора вопродомъ: „принимаютъ ли соціалисты распущеніе палаты?"

„Я говорю"—продолжаетъ Смитсъ,—что эта прерогатива короля и что если король распуститъ палату, мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ на судъ страны, чтобы обезпечить новой палатѣ ревизіонистское большинство.» (*Взрывъ аплодисментовъ*).

Подымается Анзель:

„Этотъ день историческій, —говоритъ онъ, — правая готовится отклонить разсмотрѣніе вопроса о пересмотрѣ; католики, быть можетъ, будутъ потирать себѣ руки. Они думаютъ, что либерализмъ скомпрометированъ и соціализмъ низвергнутъ. Либерализмъ менѣе скомпрометированъ, чѣмъ въ тотъ день, когда Фреръ-Орбанъ произнесъ свое историческое слово противъ всеобщей подачи голосовъ. Соціализмъ выйдетъ изъ битвы еще болѣе сильнымъ. Онъ пережилъ много битвъ, онъ побѣдилъ Бисмарка, онъ побѣдитъ, конечно, Бернерта, Вуста, Смета де Нейера и другихъ. Вы скомпрометированы, вы, католики, отказывающіе даже христіанамъ въ ихъ правахъ. Мы говоримъ труженикамъ: „Суть не въ имени вашего Бога, не въ ва-

шемъ вѣроисповѣданіи, вы прежде всего труженники!“ Вы говорите имъ: „Вы—бѣдные, вы—несчастные, христіане вы, или нѣтъ—и мы объявляемъ васъ врагами порядка и отечества.“

Приниженнымъ христіанскимъ рабочимъ говорятъ, что ихъ презираютъ, ибо у нихъ нѣтъ ни диплома, ни 3 000 франковъ множественнаго ценза, имъ предпочитаютъ невѣрующихъ буржуа, скептиковъ, враговъ ихъ религіи, потому что тѣ богаты. И вы думаете, что мы будемъ побѣждены въ этой битвѣ? Въ теченіе многихъ лѣтъ вы раздѣляли рабочихъ на вѣрующихъ и невѣрующихъ. Ваше сегодняшнее голосованіе сблизитъ ихъ, и мы, апостолы народа, станемъ къ бѣднымъ ближе, чѣмъ ваши священники. Сильные здѣсь, вы слабы передъ страной, передъ вѣрующими бѣдняками, потому что вы теперь явитесь передъ нимъ не болѣе, какъ защитниками обезпокоенныхъ денежныхъ сундуковъ“.

Ораторъ читаетъ телеграмму изъ Гента, гдѣ рабочій классъ провозгласилъ всеобщую стачку на всѣхъ большихъ заводахъ и фабрикахъ. Онъ указываетъ, что въ Алостѣ, странѣ Вуста, въ католической крѣпости, гдѣ нѣкогда соціалистовъ встрѣчали камнями, гдѣ населеніе отличается особенною набожностью, забастовало болѣе $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ.

„Я васъ привѣтствую — продолжаетъ Анзель — васъ, бѣдныхъ рабочихъ героевъ Алоста, которые рѣшились лучше голодать, но не захотѣли продаться. Я васъ привѣтствую, мои братья, обнимите насъ, вы христіане, насъ свободомыслящихъ, слившихся въ энтузіазмѣ къ справедливости. *(Крики одобренія)*.

Возьмите деревню наиболѣе испорченную, и я готовъ пойти туда одинъ противъ васъ всѣхъ сражаться передъ фламандскою расой, хотя-бы тамъ деревья были висилицами, и я васъ низвергну *(овація)*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ насъ было 12 апостоловъ, безъ Іуды, а вы были всемогущи. Мы были лишь бѣдными дѣтьми рабочихъ. Когда я приходилъ продавать газеты, въ меня бросали лошадинымъ пометомъ. „Бейте“ — говорилъ я — „вы не знаете, что творите“. И теперь у насъ въ Гентѣ 30 000 стачечниковъ, вотъ мое возмездіе, вотъ наше дѣло. И теперь, когда вы намъ бросаете въ объятія бѣдныхъ христіанъ, вы

считаете насъ побѣжденными, вы безумцы, вы гордецы' вы, страшащіеся народа!" *(браво)*.

Эти огненныя рѣчи не тронули и не испугали католиковъ. Разсмотрѣніе вопроса о пересмотрѣ конституціи было отвергнуто 84 голосами противъ 64. Это не могло быть неожиданностью для соціалистическихъ вождей. Министры и вожди правой слишкомъ ясно, слишкомъ опредѣленно высказывались противъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, чтобы можно было надѣятъся побѣдить ихъ на парламентской аренѣ. Изъ рѣчей соціалистическихъ депутатовъ тоже было ясно, что они надѣятся на побѣду внѣпарламентскую. Но арена внѣпарламентская—арена революціонная, такъ, по крайней мѣрѣ, думали всѣ иностранные товарищи и очень многіе товарищи бельгійскіе. Оказалось однако, что вожди бельгійскаго рабочаго класса расчитывали не на революцію, не на 300 000 сознательнаго пролетаріата, а на короля Леопольда или, какъ его обыкновенно называютъ, Клеопольда, въ честь его любовницы, извѣстной кафе-шантанной красавицы Клео-де-Меродъ.

Вѣроятно, нѣтъ и не было короля менѣе вліятельнаго; его въ бельгійскихъ газетахъ высмѣиваютъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, называя маріонеткой въ рукахъ католическаго министерства, и вотъ на эту-то безсильную маріонетку вожди 300 000 сознательныхъ рабочихъ, бросившихъ работу по первому сигналу, возлагаютъ всѣ надежды. Эта маріонетка должна возстановить миръ въ странѣ, должна выступить верховнымъ судьей?! И, къ общему изумленію, маріонетка, руководимая красавицей Клео, возстановила миръ и прекратила всеобщую стачку, но совсѣмъ не такъ, какъ ей совѣтовали краснорѣчивые соціалистическіе вожди и ихъ друзья либералы. Она не распустила палату, а заявила себя совершенно солидарной съ своими министрами.

„Правительство короля,—гласило съ нетерпѣніемъ ожидаемое королевское сообщеніе,—внимательно вглядываясь въ настоящее и будущее, вѣрно соблюдая конституціонныя правила, обязано слѣдовать политикѣ, которую оно считаетъ наиболѣе полезною для блага и спокойствія родины."

Главный соціалистическій органъ осудилъ этотъ

отвѣтъ самымъ рѣзкимъ образомъ, назвалъ короля Понтійскимъ Пилатомъ, заявилъ, что онъ изъ великаго посредника, превратился въ великаго виновника. Статья заканчивалась возгласомъ: „да здравствуетъ республика, господа!“ Но страна успокоилась. Надо замѣтить, что общій совѣтъ рабочей партіи прекратилъ стачку, даже не дождавшись отвѣта короля-маріонетки.

Въ „исторически“ день 18 апрѣля общій совѣтъ рабочей партіи, собравшись въ народномъ домѣ, послѣ голосованія, отвергнувшаго пересмотръ, единогласно постановилъ продолжать всеобщую стачку. „Le Peuple“ и 19 и даже 20 апрѣля трубилъ въ боевыя трубы и требовалъ продолженія всеобщей стачки, „являющейся единственнымъ средствомъ принудить правительство распустить палату“. И вдругъ вечеромъ 20 апрѣля общій совѣтъ рабочей партіи почти единогласно (при 2 воздержавшихся и 1 противъ) постановляетъ прекращеніе всеобщей стачки и рекомендуетъ рабочимъ спокойно вернуться на фабрики и мастерскія. Рабочіе повиновались, но не всѣ повиновались охотно. Многимъ было совершенно непонятно такое быстрое измѣненіе тактики и они приписывали его вліянію либеральной партіи, которая еще 18 апрѣля постановила прекращеніе стачки. Мнѣніе недовольныхъ нашло себѣ выраженіе въ слѣдующемъ заявленіи „Journal de Charleroi“, органѣ шарлеруаскихъ углекоповъ-соціалистовъ. „Рабочая партія и всѣ соціалисты,—писалъ „Journal de Charleroi“, — на другой день послѣ постановленія „общаго совѣта“ о прекращеніи стачки, воображали, что ими руководитъ, ими командуетъ „общій совѣтъ“ и они ему повиновались съ дисциплиной, съ довѣріемъ, съ вѣрой, а на дѣлѣ ихъ заставляли слѣдовать политикѣ, тактикѣ и приказамъ либеральной партіи. Когда „общій совѣтъ“ требовалъ отъ насъ уменьшенія нашихъ требованій до одного только пересмотра конституціи; когда послѣ отклоненія пересмотра онъ требовалъ, чтобы мы удовлетворились распущеніемъ палаты, это былъ приказъ либеральной партіи, которой мы повиновались. Когда онъ намъ проповѣдовалъ спокойствіе и оставленіе революціонныхъ средствъ и даже осуждалъ наши пѣсни и наши возгласы, это было вмѣшательство либеральной партіи, которой мы повиновались. Когда, наконецъ, съ по-

спѣшностью, которую иначе нельзя объяснить, онъ далъ сигналъ къ возвращенію на работы и къ прекращенію стачки, это было опять-таки вмѣшательство либеральной партіи, которому онъ повиновался и которому заставилъ повиноваться и насъ".

И заграничные товарищи бельгійскихъ рабочихъ и при томъ тѣ, которые особенно горячо относились къ ихъ борьбѣ, объясняли странную тактику общаго совѣта вліяніемъ либеральной партіи. Особенно сильно настаивала на этомъ Роза Люксембургъ въ двухъ очень обстоятельныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Die Neue Zeit".

„Только что закончившійся эпизодъ борьбы за всеобщее избирательное право, — пишетъ она въ заключеніе своей первой статьи, — является поворотнымъ пунктомъ въ бельгійскомъ рабочемъ движеніи. Въ первый разъ въ Бельгіи соціалдемократическая партія выступила въ бой, связанная формальнымъ компромиссомъ съ либеральной партіей, и она оказалась, подобно министерской фракціи французскаго соціализма, заключившей союзъ съ радикализмомъ въ положеніи, прикованнаго Прометея. Мы не остановимся передъ тѣмъ, чтобы сказать: „Будущее всеобщаго избирательнаго права въ Бельгіи, какъ и вообще рабочаго движенія зависитъ отъ того, сумѣютъ-ли наши товарищи освободиться отъ удушающихъ объятій либерализма!"

Эта статья вызвала возраженіе Вандервельда, нисколько не разубѣдившаго Розу Люксембургъ въ правильности ея утвержденія. „Полное разочарованіе въ дѣйствіяхъ народныхъ массъ и единственная надежда на парламентскую дѣятельность, стремленіе внушить врагу, что онъ въ сущности побѣжденный, между тѣмъ какъ самъ возвращаешься домой наголову разбитымъ, выискиваніе предлоговъ для пораженія во время битвы и самоутѣшеніе тотчасъ послѣ пораженія неопредѣленной увѣренностью въ будущія побѣды, вѣра во всякаго рода спасительныя политическія чудеса, какъ вмѣшательство короля, какъ политическое самоубійство противниковъ—все это такъ типично для мелкобуржуазно-либеральной тактики, что мы, и не думая о натоpіально утвержденномъ союзномъ договорѣ между соціалистами и либералами, уже одной аргу-

ментаціей товарища Вандервельда, утверждаемся въ нашемъ предположеніи о духовномъ руководительствѣ либераловъ во время послѣдней кампаніи".

Главнымъ образомъ для опроверженія этихъ тяжкихъ обвиненій туземныхъ и иноземныхъ товарищей, ,,общій совѣтъ" рѣшилъ созвать чрезвычайный съѣздъ рабочей партіи. Съѣздъ собрался въ Брюсселѣ 4-го мая. Въ „порядокъ дня" было внесено: ,,политическое положеніе" и ,,выборы 25-го мая". До второго пункта съѣздъ не дошелъ, разойдясь въ тотъ же день послѣ блестящей по формѣ рѣчи Анзеля, призывавшаго къ прекращенію разногласій и къ полному единенію.

Обсужденіе „политическаго положенія" сопровождалось очень бурными сценами, какъ бы не замѣченными составителемъ отчета въ оффиціально-соціалистическомъ „Le Peuple". Отчетъ этотъ еще болѣе скомканъ, чѣмъ самый съѣздъ. Мы воспользуемся отчетомъ ,,Vorwärts'a". По этому отчету обвинительная рѣчь Дестрэ, депутата изъ Шарлеруа, произвела большое впечатлѣніе и прерывалась шумными рукоплесканіями.

,,Во всякомъ случаѣ"—говорилъ онъ — ,,мы были готовы сражаться до конца. Но несчастье въ томъ, что мнѣнія расходились относительно этого ,,до конца". Мы понимали подъ этимъ не прекращать борьбы, пока, прибѣгнувъ ко *всѣмъ* средствамъ, не добьемся побѣды. Другіе понимали подъ этимъ—бороться до тѣхъ поръ, пока съ нами идутъ союзники. Что бой былъ безнадеженъ, этого никто не можетъ доказать. Простыя предположенія не замѣняютъ основаній. Условія были таковы, что мы могли бы продолжать битву съ хорошей надеждой на успѣхъ *(Протесты).* Не испугались ли вы ружей гражданской гвардіи? (Крики: *нѣтъ, нѣтъ).* Не чувствовали ли вы себя достаточно сильными прогнать всю эту банду къ чорту? (*Да, да, оглушительные аплодисменты*). Да, мы слишкомъ много видѣли въ революціи фразъ, слишкомъ мало настоящихъ дѣйствій. Въ будущемъ мы должны поэтому остерегаться революціонныхъ фразеровъ, которые прекрасно метаютъ революціонныя фразы, но въ моментъ исполненія отъѣзжаютъ на словахъ (*Продолжительныя рукоплесканія*),

,,Одно теперь стоитъ твердо" — закончилъ свою рѣчь Дестрэ—,,время компромисовъ миновало навсегда.

Либералы покинули насъ уже тогда, когда мы грозили обструкціей, а теперь насмѣшливо спрашиваютъ: почему вы не устроили обструкціи? Когда начинался китайскій походъ, либеральные бюргермейстеры четырехъ крупнѣйшихъ бельгійскихъ городовъ старались отправить солдатъ на китайскую бойню. А при избирательномъ движеніи эти либеральные бюргермейстеры, наши союзники и „друзья", не шевельнули для насъ даже пальцемъ. Напротивъ, они выпустили на насъ свору полицейскихъ. Мы, революціонеры, добьемся побѣды, довѣряя исключительно своимъ собственнымъ силамъ.» *(Бурные аплодисменты).*

Противъ рѣчи Дестрэ протестуетъ депутатъ Губинъ, но рабочіе делегаты почти не даютъ ему говорить.

Затѣмъ подымается Вердюръ и начинаетъ самымъ рѣзкимъ образомъ нападать на „партійное правленіе". Его нападки вызываютъ ожесточенные протесты со стороны парламентскихъ вожаковъ. Подымается страшный шумъ. Депутаты Дельпортъ и Барли кричатъ: „вы лжете, вы лжете!"

На трибуну вскакиваетъ самъ Вандервельдъ и хочетъ говорить, но его слова заглушаются криками: „молчите, молчите!"

Только порывистому краснорѣчію Анзеля удается успокоить залу и привлечь большинство на сторону „общаго совѣта".

Его заключительныя слова: „всегда впередъ, единодушно впередъ за всеобщее избирательное право" сливаются съ пѣніемъ „Интернаціонала". Слѣдуетъ голосованіе, большинство одобряетъ постановленія „общаго совѣта", и конгрессъ расходится, забывъ о выборахъ 25-го мая.

Одушевленіе Анзеля, видимо, недостаточно передалось избирателямъ. Выборы усилили, а не ослабили правительственно-клерикальное большинство.

Бельгійская палата депутатовъ возобновляется частично; при продолжительности депутатскихъ полномочій въ 4 года, каждые два года происходятъ выборы *половины* членовъ. Всѣхъ депутатовъ до нынѣшняго года было 170; въ этотъ годъ число ихъ было увеличено на 14; такъ что предстояло выбрать 85 депутатовъ въ старыхъ округахъ и *14 въ новыхъ.* Изъ

выборовъ правительственная партія вышла увеличенной на 11 членовъ, соціалисты на 3, либералы возвратились въ прежнемъ числѣ; такимъ образомъ правительственное большинство изъ 14-ти вновь образованныхъ округовъ захватило львиную долю и усилилось на 6 голосовъ. Прежнее большинство превышало меньшинство на 20 голосовъ, теперь будетъ превышать на 26 голосовъ.

Такъ закончилась эта „кампанія" союзниковъ для завоеванія всеобщаго и равнаго избирательнаго права, а между тѣмъ и въ этой компаніи бельгійскій пролетаріатъ показалъ необычайную боевую выправку и еще болѣе необычайную дисциплину. И не странно-ли, что эта боевая выправка и дисциплина оказались безсильной передъ „выправкой" и „дисциплиной" маріонетки Клеопольда?

Здѣсь несомнѣнно есть что-то неладное, и, какъ бы насъ не увѣряли въ противномъ такіе уважаемые соціалистическіе вожди, какъ Вандервельдъ и Анзель, мы это неладное, вмѣстѣ съ Дестрэ и Розой Люксембургъ, видимъ въ союзѣ съ либералами и христіанскими демократами.

Мы не думаемъ, конечно, чтобы „общій совѣтъ рабочей партіи" повиновался либераламъ, но онъ несомнѣнно *считался* съ ихъ настроеніемъ, *щадилъ* ихъ буржуазное благополучіе, и это стѣсняло свободу его дѣйствій.

Нѣкоторые вожди рабочихъ, въ особенности Вандервельдъ придавали общественному, а правильнѣе буржуазному мнѣнію, измѣнившемуся въ зависимости отъ „поведенія" рабочихъ, слишкомъ большое значеніе. Какъ только рабочіе усмирились, всѣ стали имъ сочувствовать; даже „гражданская гвардія" начала жалѣть четырехъ рабочихъ, убитыхъ въ Брюсселѣ, что не помѣшало ей убить 6 человѣкъ въ Лувенѣ. А какъ милы стали фабриканты. благодарные за выучку ихъ рабочими! Они бы все имъ отдали, но что же дѣлать, если король Клеопольдъ оказался такимъ упрямымъ?!

За спокойную и во благовременіи законченную стачку либеральные буржуа отнюдь не сердились на рабочихъ, тѣмъ болѣе, что и въ Бельгіи въ настоящее время очень чувствуется промышленный кризисъ, и многимъ предпринимателямъ „сокращеніе производства" прямо

на руку. Многіе были такъ радикальны, что предложили рабочимъ продолжать стачку даже и послѣ постановленія „общаго совѣта" о ея прекращеніи. „Погуляйте еще, голубчики! У насъ и безъ того залежи! А хотите работать, то ужъ не обезсудьте, прежней платы дать не можемъ".

Во всякомъ случаѣ жертвы понесли не либеральные буржуа, а рабочіе. Было бы совсѣмъ иначе, если бы вожди не тушили, а раздували классовое чувство пролетаріата и направили бельгійскихъ рабочихъ на буржуазное благополучіе господъ либераловъ. Либералы тогда бы не восхищались примѣрнымъ поведеніемъ рабочихъ, но навѣрное сумѣли бы сломить „упрямство" Клеопольда.

„Либералы" только тогда являются настоящими „союзниками" пролетаріевъ, когда эти послѣдніе начинаютъ тѣснить и бить ихъ.

Это порадоксально, но вѣрно.

И русскіе либералы, когда рабочіе пугнутъ ихъ настоящимъ образомъ, не только запросятъ конституціи, но и добьются ея. *Такой* союзъ съ либералами мы понимаемъ и ему сочувствуемъ.

У бельгійскихъ вождей былъ союзъ съ либералами совсѣмъ иной.

Конечно, неудача бельгійской рабочей партіи является временной; какихъ бы ошибокъ не дѣлали ея вожаки, побѣда все-же, въ концѣ концовъ, останется за нею, но жаль, что революціонное воодушевленіе бельгійскаго пролетаріата, отъ котораго, казалось, могла загорѣться революція не въ одной только Бельгіи, пропало даромъ: если не ошибаемся, еще Гете сказалъ—воодушевленіе не селедка, его нельзя солить въ прокъ; повторенія такого порыва революціоннаго энтузіазма, какой проявилъ бельгійскій рабочій народъ во дни волненій, столь непріятныхъ буржуазнымъ либераламъ, придется ждать, быть можетъ, довольно долго.

Шведская всеобщая стачка 1902 г.

Шведскій пролетаріатъ борется, какъ и бельгійскій, за всеобщее избирательное право, но его борьба находится еще въ болѣе ранней стадіи, чѣмъ борьба бельгійская. Множественная и пропорціональная система, господствующая въ Бельгіи, несравненно ближе къ всеобщей и равной подачѣ голосовъ, чѣмъ избирательный порядокъ Швеціи, заключающій въ себѣ требованіе значительнаго ценза (дохода или имущества) для права избирать народныхъ представителей. При 5 слишкомъ милліоновъ населенія только 400000 пользуются правомъ избирательнаго голоса; между тѣмъ, какъ при избирательной системѣ, имѣющей мѣсто, напримѣръ, во Франціи, ихъ должно было быть около $1^1/_2$ милльона. Рабочіе такимъ образомъ почти совершенно исключены изъ выборовъ и имъ съ трудомъ въ 1899 году удалось провести во вторую палату своего представителя Брантинга, который до 1903 г. былъ единственнымъ рабочимъ депутатомъ Швеціи, что не мѣшало ему играть въ парламентѣ очень видную роль.

Первая палата еще менѣе второй носитъ характеръ истиннаго народнаго представительства, такъ какъ она избирается гласными городскихъ и земскихъ собраній.

Понятно, что соціалдемократическая рабочая партія, сорганизовавшаяся въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ самаго начала одною изъ первыхъ своихъ задачъ поставила — завоеваніе всеобщаго равнаго избирательнаго права. Сначала она шла въ союзѣ съ либерально-демократической буржуазіей и вмѣстѣ съ ней старалась повліять на правительство и палаты петиціями и *свободными народными парламентами*, созываемыми партійными комитетами. Члены этихъ оригинальныхъ парламентовъ избирались всеобщей подачей голосовъ, но, разумѣется, рѣшенія имѣли лишь моральную, а не законную силу. Первый свободный народный парламентъ былъ созванъ въ 1893 году на основаніи постановленія норркопингскаго соціалдемократическаго партейтага. Въ выборахъ приняли участіе около 150000 человѣкъ; изъ мандатовъ на долю рабочей партіи выпало лишь 30. Представители рабо-

чихъ предлагали провозгласить всеобщую стачку для завоеванія всеобщаго избирательнаго права; но представители буржуазіи согласились лишь „изслѣдовать“ вопросъ о стачкѣ.

Во второмъ народномъ парламентѣ, созванномъ въ 1896 г., мысль о всеобщей стачки была отвергнута 67 голосами противъ 63. Съ этого момента союзъ между социалдемократами и либералами былъ окончательно разорванъ, что несомнѣнно самымъ благопріятнымъ образомъ отразилось на развитіи и организаціи шведской рабочей партіи. Она, можно сказать, росла не по днямъ, а по часамъ и, организуясь профессіонально, не упускала изъ виду необходимости во что бы то ни стало добиться всеобщей подачи голосовъ. Какъ главное средство борьбы, на ряду съ массовыми демонстраціями, она выбрала и всеобщую стачку, къ которой начала энергично готовиться. Въ этомъ году обстоятельства сложились довольно благопріятно для оказанія давленія на парламентъ и правительство. Послѣ принятія въ 1901 г. новаго военнаго законопроекта, требующаго отъ народа новыхъ жертвъ, правительство почувствовало себя вынужденнымъ пойти на встрѣчу требованіямъ рабочихъ массъ, не желавшихъ оставлять свою судьбу въ рукахъ представителей зажиточнаго меньшинства. Въ серединѣ марта этого года правительство опубликовало свой проектъ избирательной реформы. По этому проекту кругъ избирателей нѣсколько расширялся, число имѣющихъ право голоса должно было подняться съ 400 000 до 660 000, но за то вводилась, по примѣру Бельгіи, множественная система: женатые и 40-лѣтніе получали 2 голоса. Проектъ этотъ не удовлетворилъ ни одну изъ партій, но особенно возстали противъ него социалдемократы, справедливо думая, что подобное измѣненіе избирательной системы не приблизитъ, а скорѣе отдалитъ всеобщую подачу голосовъ. Изъ среды парламента было внесено нѣсколько контръ-проектовъ, въ томъ числѣ проектъ Брантинга, требовавшій всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права для всѣхъ мужчинъ *),

*) Съ принципіальной точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что проектъ Брантинга не требуетъ распространенія избирательнаго права и на женщинъ.

достигшихъ 21 года. Уже за нѣсколько недѣль до обсужденія въ парламентѣ правительственнаго проекта, рабочая партія стала устраивать грандіозныя демонстраціи въ крупныхъ городахъ Швеціи. Каждое воскресенье, послѣ массовыхъ народныхъ собраній, на которыхъ произносили рѣчи выдающіеся вожаки, рабочіе стройными рядами двигались по главнымъ улицамъ Стокгольма и другихъ большихъ городовъ. Демонстраціи эти обыкновенно проходили спокойно, и только одна стокгольмская демонстрація 20 апрѣля окончилась столкновеніемъ съ полиціей, которая дѣйствовала, какъ обыкновенно дѣйствуетъ полиція, вызывающе грубо. Печать и общественное мнѣніе сурово осудили поведеніе полиціи, и въ слѣдующее воскресенье стокгольмская демонстрація прошла спокойнѣе, но и грандіознѣе, чѣмъ когда-либо раньше. На собраніи въ «Лилльянскомъ лѣсу» присутствовало около 40000 человѣкъ. Процессія растянулась на нѣсколько верстъ, прохожденіе мимо того или другого пункта длилось часъ десять минутъ. Кромѣ рабочихъ въ ней приняли участіе до 300 студентовъ, писатели, профессора, художники.

Дисциплина, проявленная рабочими, произвела сильное впечатлѣніе на многихъ военныхъ. Стокгольмскій комендантъ генералъ Свенъ Лагербергъ, возражая противъ усиленія стокгольмскаго гарнизона, откровенно замѣтилъ: «Рабочіе при устройствѣ своихъ процессій проявили дисциплину, какой могли бы позавидовать мои солдаты, а то, что они открыто выражаютъ свое мнѣніе, такъ, вѣдь, это ихъ неотъемлемое право».

Уличныя демонстраціи были какъ бы введеніемъ къ демонстративной всеобщей стачкѣ, которую исполнительный комитетъ рабочей партіи назначилъ на время обсужденія въ парламентѣ проектовъ избирательной реформы.

Обсужденіе началось 15 мая, и въ тотъ же день какъ по мановенію волшебнаго жезла, около 150000 человѣкъ прекратили работу, остановивъ промышленность, торговлю, передвиженіе въ главнѣйшихъ городахъ Швеціи.

Въ Стокгольмѣ закрылись всѣ рестораны, магазины, театры; перестали выходить газеты; исчезли извощики, конки; погасли газовые фонари, остановилось

телефонное сообщенiе, развитое въ Стокгольмѣ, какъ нигдѣ въ мiрѣ и т. д.

«Поведенiе стачечниковъ» — писалъ стокгольмскiй корреспондентъ буржуазной датской газеты «Политикъ»—«блестящее. Нѣтъ демонстрацiй, не слышно пѣнiя, не замѣтно ни сумятицы, ни замѣшательства. Въ безпрерывно двигающихся массахъ народа царствуетъ глубочайшая серьезность и напряженнѣйшiй интересъ».

При такихъ условiяхъ палаты, конечно, очень спѣшили съ обсужденiемъ проектовъ и покончили его въ три дня. Правительственное предложенiе провалилось. Вторая палата большинствомъ 117 голосовъ противъ 107 приняла предложенiе вождя аграрiевъ Монссона; этимъ предложенiемъ правительство приглашается продолжать изслѣдовать вопросъ объ избирательной реформѣ и къ началу сессiи 1904 года внести новый проектъ, въ основу котораго должно быть положено *всеобщая подача голосовъ*, при чемъ каждый, кому исполнилось 25 лѣтъ, и который выполнитъ свои обязательства по уплатѣ налоговъ и несенiю воинской повинности считается имѣющимъ право избирательнаго голоса.

Въ тоже время первая палата 83 голосами противъ 59 приняла предложенiе епископа Биллинга. Этимъ предложенiемъ правительству предлагается внести въ парламентъ до 1904 года новый проектъ на основѣ: всеобщей подачѣ голосовъ, пропорцiональнаго представительства, права избирательнаго голоса съ 25 лѣтняго возраста, уравненiя правъ города и деревни.

Отъ принятiя этихъ предложенiй до введенiя настоящаго всеобщаго избирательнаго права путь еще долгiй, но все же постановленiя палатъ являются несомнѣнной уступкой рабочему классу, проявившему такое поразительное единодушiе, такую удивительную организованность.

Тотчасъ послѣ того, какъ голосованiя обѣихъ палатъ сдѣлались извѣстны, исполнительный комитетъ рабочей партiи объявилъ прекращенiе стачки, и опять, какъ по мановенiю волшебнаго жезла, повсюду закипѣла работа, открылись магазины, задребезжали извозчичьи дрожки, зазвонили конки, засвистѣли пароходы, заговорили телефоны...

Общіе выборы, происходившіе вскорѣ послѣ стачки усилили въ палатѣ число сторонниковъ всеобщей подачи голосовъ. Соціалдемократы вмѣсто одного провели четырехъ депутатовъ.

Цѣль, поставленная шведскими соціалдемократами была гораздо скромнѣе цѣли, поставленной бельгійскими вожаками-соціалистами, но проведена компанія несравненно обдуманнѣе и послѣдовательнѣе. Шведскій исполнительный комитетъ сознательно и заблаговременно подготовилъ всеобщую стачку, заранѣе установивъ и ея характеръ, и ея продолжительность, и ея прекращеніе.

Бельгійскій же «общій совѣтъ» въ началѣ противился всеобщей стачкѣ и объявилъ ее, какъ сознавались нѣкоторые вожди, подъ давленіемъ стихійнаго движенія, не представляя себѣ хорошенько ни значенія, ни цѣли этой стачки.

Понятно, что шведская стачка производитъ несравненно болѣе сильное и ободряющее впечатлѣніе, но было бы ошибочно считать стачку бельгійскую саму по себѣ неудавшейся: неудачу потерпѣла лишь тактика соціалистическихъ вождей, связавшихся съ либералами, а не стачка, въ которой, какъ ни какъ, въ теченіи почти недѣли принимало участіе около 350000 рабочихъ.

Мы въ правѣ поэтому сказать, что и шведскій, и бельгійскій опытъ показываютъ, какимъ могучимъ средствомъ въ борьбѣ съ господствующими классами можетъ явиться всеобщая стачка, руководимая рѣшительными, спокойными и безстрашными вожаками, свободными отъ прямыхъ и косвенныхъ вліяній представителей буржуазіи, какъ консервативной такъ и либеральной.

Массовая стачка сѣверо-американскихъ углекоповъ 1902 г.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — чуть ли не единственное государство, гдѣ борьба между трудомъ и капиталомъ, между пролетаріатомъ и буржуазіей ведется въ чистомъ видѣ, не осложняясь борьбой съ остатками феодализма и абсолютизма. Въ то

же время капиталъ «вооруженъ» здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; ослабляющая его силу конкурренція предпринимателей отодвинута на задній планъ громадными союзами промышленниковъ (трэстами), концентрирующими распоряженіе всѣмъ капиталистическимъ производствомъ въ рукахъ немногихъ милльярдеровъ. Трэсты по своему усмотрѣнію распоряжаются государственной машиной, которой американскіе рабочіе интересовались до сихъ поръ слишкомъ мало. Съ трэстами становится все труднѣе бороться *частичными* стачками, но за то они ускоряютъ приближеніе рѣшительной катастрофы буржуазнаго строя, они облегчаютъ возможность перехода отъ товарнаго производства къ соціалистическому, въ ихъ судьбѣ въ концѣ концовъ проявится законъ капиталистическихъ противорѣчій: средства производства сосредоточиваются въ рукахъ немногихъ лишь для того, чтобы перейти въ руки общества или что то же въ руки всѣхъ трудящихся. Нѣсколько хорошихъ ударовъ въ современную государственную машину, и распоряженіе производствомъ отъ трэстовъ перейдетъ къ рабочимъ союзамъ, развивающимся и растущимъ въ борьбѣ съ представителями капитала. Удары государственной машинѣ должны нанести всеобщія стачки, которыя въ Америкѣ неминуемо разовьются изъ стачекъ массовыхъ, въ родѣ послѣдней стачки углекоповъ антрацитнаго района.

Стачка началась 30 апрѣля 1902 года и длилась почти полгода. Въ ней принимали участіе всѣ углекопы антрацитнаго района въ Пенсильваніи и каменоугольныхъ копей Западной Виргиніи, въ общемъ около 150.000 человѣкъ, составляющихъ около половины всѣхъ углекоповъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Къ сожалѣнію изъ углекоповъ района курнаго (мягкаго) угля только углекопы Западной Виргиніи поддержали «стачкой по симпатіи» своихъ сотоварищей, добывающихъ антрацитъ; остальные ограничились денежной поддержкой.

Стачечники требовали повышенія заработной платы на 10%, сокращенія рабочаго дня до 8 часовъ и устраненія систематическаго обмѣриванія рабочихъ при сдачѣ угля.

Углепромышленный трэстъ отвѣчалъ отказомъ, и борьба началась. Стачечники держались необычайно дружно и дисциплинировано, избѣгая насильственныхъ дѣйствій. Нарушителей стачки, называемыхъ въ Америкѣ «скэбами», было совершенно ничтожное число; ихъ скоро раздавило всеобщее презрѣніе. Разсказываютъ, что «жена одного «скэба» пришла къ входу шахты съ двумя маленькими дѣтьми и потребовала отъ мужа, чтобы онъ бросилъ работу и присоединился къ стачечникамъ. Когда онъ отказался, она оставила ему дѣтей и заявила, что уходитъ отъ него, потому что не желаетъ жить со „скэбомъ“». *)

Трэстъ направилъ противъ стачечниковъ всю государственную машину — администрацію, суды, полицію, войско и т. д. Полиція старалась вызвать безпорядки, чтобы имѣть возможность въ союзѣ съ войскомъ пустить въ ходъ оружіе, и это ей въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось: нѣсколько стачечниковъ, въ томъ числѣ два мальчика, были убиты во славу государства и капитала. Судьи, пользуясь нелѣпостями закона, засадили сотни стачечниковъ въ тюрьмы. Но всѣ эти преслѣдованія разбивались о солидарность углекоповъ. Добыча антрацита совершенно пріостановилась; вскорѣ и «промышленность» и «публика» почувствовали всѣ непріятныя послѣдствія недостатка въ каменномъ углѣ, цѣна на который поднялась до неслыханной высоты. Каменноугольный трэстъ не унывалъ, такъ какъ покрывалъ значительную часть убытковъ, приносимыхъ пріостановкой работъ, огромнымъ повышеніемъ цѣнъ на уголь, находившійся въ запасныхъ складахъ Но трэсты другихъ производствъ были, конечно, недовольны повышеніемъ цѣнъ на пищевой продуктъ машинъ; еще болѣе были недовольны народныя массы, съ тревогой ожидавшія холодныхъ зимнихъ дней, и это недовольство было особенно важно въ виду общихъ выборовъ, которые могли окончиться пораженіемъ «республиканцевъ», усиленно поддерживающихъ трэсты. Въ «капиталистическомъ порядкѣ» произошло серьезное замѣшательство, и для возстановленія «рав-

---

*) *Вл. Мурановъ.* Лѣтопись американскаго рабочаго движенія. «Жизнь» 1902 г. N 5.

ковѣсія» пришлось вмѣшаться президенту штатовъ Рузвельту.

Рузвельтъ обратился одновременно къ представителямъ угольнаго треста и къ стачечной коммиссіи, во главѣ которой стоялъ президентъ союза углекоповъ Митчель и пригласилъ обѣ стороны явиться къ нему для примирительныхъ переговоровъ.

Попытка Рузвельта сначала окончилась полной неудачей. Представители трэста явились, правда, на зовъ президента, но не для примирительныхъ переговоровъ, а для жалобы на пенсильванскаго губернатора, который, будто-бы, не выполняетъ въ достаточной мѣрѣ своей обязанности защищать жизнь и собственность гражданъ, ни принимаетъ «надлежащихъ мѣръ» противъ стачечниковъ, этихъ нарушителей «свободы труда»: будь онъ «рѣшительнѣе» работа въ шахтахъ давно бы снова началась. Вмѣшательство президента представители трэста допускали только въ смыслѣ посылки войскъ для «усмиренія» стачечниковъ. Вступать же въ переговоры съ Митчелемъ, «этимъ атаманомъ разбойничьей шайки», представители трэста находили ниже своего достоинства. Высказавъ все это, угольные милліонеры сѣли въ свой по царски устроенный поѣздъ, и укатили домой, предоставивъ президенту объясняться съ Митчелемъ.

Рузвельтъ обратился тогда къ Митчелю съ просьбой побудить стачечниковъ приняться за работу на старыхъ условіяхъ при чемъ онъ, президентъ Рузвельтъ, давалъ свое честное слово употребить всѣ усилія, чтобы союзный конгрессъ, проявлялъ бы въ будущемъ болѣе заботливости о народѣ вообще и о рабочемъ классѣ въ частности. Митчель на эту милую просьбу отвѣтилъ очень сдержанно; онъ указалъ, что не уполномоченъ рѣшать вопросъ объ окончаніи стачки, но что онъ передастъ предложеніе президента съѣзду стачечныхъ делегатовъ.

Съѣздъ былъ, дѣйствительно, собранъ, но предложеніе президента удовольствоваться его честнымъ словомъ было рѣшительно отклонено.

Тогда Рузвельтъ снова обратился къ представителямъ капитала. Онъ сумѣлъ оказать сильное давленіе на знаменитаго промышленнаго императора Моргана,

и тотъ приказалъ угольному трэсту согласиться на третейскій судъ.

Назначеніе третейскихъ судей было предоставлено президенту Рузвельту. Судьями были назначены: союзный судья Жоржъ Грей, отставной генералъ союзной арміи Вильсонъ, горный инженеръ и редакторъ «Журнала Уголовной Промышленности» Паркеръ, торговецъ углемъ Ваткинсъ, предсѣдатель союза желѣзнодорожныхъ кондукторовъ Кларкъ, католическій эпископъ Шпальдингъ, пользующійся въ широкихъ массахъ популярностью и уваженіемъ и начальникъ союзнаго бюро для рабочей статистики Райтъ.

Третейскій судъ прежде всего призналъ Митчеля офиціальнымъ представителемъ углекоповъ, и Митчель съ своей стороны выбралъ себѣ въ помощники для защиты передъ судомъ интересовъ стачечниковъ, соціальнаго статистика Альберта Вейла и извѣстнаго чикагскаго адвоката Дарау, человѣка съ совершенно опредѣленными социалистическими взглядами.

Моментъ назначенія третейскаго суда, или точнѣе, третейской коммиссіи, былъ въ то же время и моментомъ прекращенія стачки. Согласно постановленію своихъ делегатовъ 150.000 стачечниковъ, стойко державшихся болѣе 5 мѣсяцевъ, сразу принялись за работу. Они питаютъ полное довѣріе къ третейской коммиссіи, и Митчель выражаетъ увѣренность, что третейскій судъ окончится повышеніемъ заработной платы на 10% и уменьшеніемъ рабочаго дня до 9-ти часовъ.

Дай Богъ, чтобы это «довѣріе» и эта «увѣренность» оправдались, но вообще на третейскій судъ рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ капиталистами не приходится возлагать серьезныхъ надеждъ; въ большинствѣ случаевъ третейскій судъ является орудіемъ наглаго обмана въ рукахъ хозяевъ-капиталистовъ.

По словамъ газетъ на членовъ третейской коммиссіи доводы Митчеля произвели огромное «впечатлѣніе», въ особенности поразило удостовѣренное врачами указаніе, что 90% углекоповъ страдаютъ астмою и умираютъ въ возрастѣ, который для углепромышленниковъ является расцвѣтомъ силъ, но это «впечатлѣніе» не мѣшаетъ членамъ коммиссіи работать до подозрительности медленно.

Во всякомъ случаѣ столкновенія между капиталомъ

и трудомъ разрѣшатся не постановленіями обязательныхъ третейскихъ судовъ, а доведеніемъ классовой борьбы до ея крайнихъ предѣловъ и превращеніемъ частичныхъ стачекъ въ стачку всеобщую.

Большинство представителей англійскихъ трэдъ-юніоновъ проявило ясное пониманіе сущности классовой борьбы, отвергнувъ на лондонскомъ конгрессѣ 1902 года резолюцію о введеніи *обязательныхъ* третейскихъ судовъ для разрѣшенія столкновеній между хозяевами и рабочими. На этомъ конгрессѣ была уничтожена легенда о необычайно благопріятныхъ для рабочихъ результатахъ новозеландскихъ третейскихъ судовъ.

«Я переписывался съ котельщиками въ Новой Зеландіи» — сказалъ на лондонскомъ конгрессѣ одинъ изъ делегатовъ котельщикъ Каммингсъ — «и они мнѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляли, что законъ о третейскомъ судѣ не принесъ рабочимъ пользы».

«Рѣшающіе судьи полны классовыхъ предразсудковъ и думаютъ, что положеніе рабочихъ еще слишкомъ хорошо». «Обязательный третейскій судъ»—добавилъ онъ — «означаетъ для рабочихъ союзовъ — смерть».

Значеніе массовой стачки антрацитныхъ углекоповъ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не въ томъ, что они «добились третейскаго суда», а въ укрѣпленіи между ними солидарности, въ развитіи и усиленіи ихъ союзной организаціи. Подобныя стачки, гдѣ полтораста тысячъ рабочихъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ держатся, какъ одинъ человѣкъ, подчиняя личные интересы общему дѣлу, безропотно неся тяжелыя лишенія, такія стачки не проходятъ даромъ для освобожденія рабочаго класса.

Надо надѣяться, что въ слѣдующій разъ одновременно возстанутъ *всѣ* сѣверо-американскіе углекопы и антрацитнаго и курноугольнаго района, что ихъ «поддержатъ стачками по симпатіи», *стачками солидарности* и рабочіе другихъ производствъ, и рабочіе другихъ странъ; и тогда стачечники будутъ въ состояніи диктовать свои условія, не нуждаясь ни въ какихъ сомнительныхъ третейскихъ судахъ.

Во всякомъ случаѣ лишенія, понесенныя американскими углекопами стачечниками въ 1902 году, лишенія, выражающіяся огромной суммой въ 55 милліо-

новъ рублей неполученной заработной платы, не пропали даромъ: въ будущемъ они вознаградятся сторицей. У «труда» есть два вѣрныхъ спутника: самоотверженіе и товарищеская солидарность, съ ними онъ побѣдитъ «капиталъ», знающій одну только прибыль.

Всеобщая стачка французскихъ углекоповъ 1902 года.

Истинный смыслъ «третейскихъ судовъ» при современномъ капиталистическомъ строѣ лучше всего разъясненъ финаломъ всеобщей стачки французскихъ углекоповъ.

Въ этой стачкѣ, которая длилась около 6 недѣль и въ которой принимало участіе болѣе 120.000 человѣкъ, французскіе углекопы готовились уже нѣсколько лѣтъ, надѣясь добиться восьмичасоваго рабочаго дня, установленія минимума заработной платы и пенсіи во время старости въ размѣрѣ 2 франковъ въ день для каждаго углекопа, достигшаго пятидесятилѣтняго возраста. Въ 1901-мъ году «національный комитетъ», стоящій во главѣ «національной федераціи французскихъ углекоповъ», въ которую входятъ всѣ мѣстные союзы или синдикаты углекоповъ, устроилъ «всеобщее голосованіе» для рѣшенія вопроса о стачкѣ. Значительное большинство углекоповъ высказалось за стачку; за стачку же высказался и съѣздъ представителей углекопныхъ союзовъ; но «національный комитетъ» медлилъ съ ея объявленіемъ. Онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ подъ давленіемъ парламентскихъ соціалистовъ, ждавшихъ вмѣшательства въ пользу углекоповъ со стороны правительства съ его министромъ-соціалистомъ Мильераномъ и парламента съ радикально-соціалистическимъ большинствомъ. Дѣйствительно, въ парламентѣ сдѣлано было нѣсколько запросовъ по поводу положенія углекоповъ и предстоящей стачки. Требованіе пенсіи правительство находило «справедливымъ», но рѣшеніе этого вопроса отложено на неопредѣленное время «въ виду выработки проекта пенсіонныхъ кассъ для всѣхъ вообще рабочихъ». Вопросъ о минимумѣ

заработной платы министерство Вальдека-Руссо совершенно отказалось обсуждать, находя, что вопросъ о размѣрѣ заработной платы ни въ коемъ случаѣ не можетъ рѣшаться законодательнымъ путемъ.

Серьезно занялась палата депутатовъ лишь вопросомъ о рабочемъ днѣ. Она приняла законопроектъ, идущій на встрѣчу требованію углекоповъ. По этому законопроекту немедленно вводится девяти часовой рабочій день, который черезъ три года понижается до $8^1/_2$ часовъ, а еще черезъ два года до 8 часовъ.

Палата приняла этотъ законопроектъ со «спокойною» совѣстью, такъ какъ знала, что ему надо пройти черезъ сенатъ, который старательно хоронитъ всѣ реформы въ пользу рабочаго класса. Законопроектъ все еще не сдѣлался закономъ, но министерству удалось задержать всеобщую стачку до тѣхъ поръ, пока не нашли для себя возможнымъ вызвать ее сами компаніи углепромышленниковъ.

Въ сентябрѣ 1902 года онѣ рѣшили понизить и безъ того низкую плату углекоповъ. Переговоры «національнаго комитета» углекоповъ съ компаніями не привели ни къ какимъ результатамъ, и въ началѣ октября была объявлена всеобщая стачка. Почти одновременно забастовало 120.000 человѣкъ. Радикальное правительство Комба, смѣнившее министерство Вальдека-Руссо, прежде всего наводнило районы стачки войсками и жандармами для охраны «свободы труда», т. е. для покровительства рабочимъ-измѣнникамъ, продолжавшимъ работать, не смотря на объявленіе стачки. Начались запрещенія сходокъ, манифестацій, начались аресты и суды. Однимъ словомъ все, какъ и въ Америкѣ.

Портовые рабочіе Дюнкирхена, Калэ, Марселя и другихъ городовъ изъ чувства рабочей солидарности стали отказываться разгружать суда съ заграничнымъ углемъ. Дюнкирхенъ принялъ видъ Барцелоны или Рейса во время «всеобшихъ стачекъ». Движеніе росло и разгоралось, переходя даже на международную почву. Бельгійскіе углекопы отказывались отъ сверхурочныхъ работъ и грозили всеобщей забастовкой. Изъ Германіи, Англіи и другихъ странъ шли пособія отъ братьевъ по труду и т. д. А во французской палатѣ соціалисты вродѣ Жореса и Мильерана старались провести резолюцію, приглашавшую правительство принять мѣры

для разрѣшенія столкновенія «компаній» съ рабочими третейскимъ судомъ.

Резолюція о третейскомъ судѣ была принята, и министерскіе соціалисты перенесли свою энергію въ рабочія собранія и организаціи, стараясь удержать движеніе въ границахъ «умѣренности и аккуратности».

Подъ ихъ вліяніемъ «національный комитетъ» просилъ дюнкирхенскихъ рабочихъ сохранять «спокойствіе», что было причиной прекращенія стачки портовыхъ рабочихъ.

Развитіе было пріостановлено, воодушевленіе охлаждено, и началась комедія «третейскихъ судовъ».

Компаніи соглашались на третейскіе суды, но зорко наблюдали, чтобы въ «судьи» попадали исключительно вѣрные имъ люди и чтобы разбирательство не во всѣхъ мѣстностяхъ происходило одновременно. Министерскіе «соціалисты» сумѣли внушить рабочимъ делегатамъ такое довѣріе къ правительству, что въ бассейнахъ Па-де-Калэ и Сѣверномъ углекопы предоставили назначеніе судьи со стороны рабочихъ министру общественныхъ работъ Марюежулю. Марюежуль назначилъ судьей со стороны рабочихъ главнаго инспектора шахтъ Па-де-Калэ и Сѣвера—инженера Делартона.

Делартонъ въ полномъ согласіи съ двумя другими судьями нашелъ требованіе рабочихъ о повышеніи заработной платы неправильнымъ.

Углекопы возмутились, не хотѣли подчиниться этому рѣшенію, но стачечное воодушевленіе было уже подкошено въ корнѣ, и 14 ноября всѣ углекопы Сѣвера и Па-де-Калэ принялись за работу на старыхъ условіяхъ. Всеобщность стачки была уничтожена, и къ 28 ноября работа во всѣхъ шахтахъ возобновилась. Въ слѣдующій разъ (а его недолго ждать!) французскіе углекопы возстанутъ уже безъ довѣрія къ правительству, какъ бы радикально оно не именовалось, они возстанутъ, расчитывая не на сладкорѣчивыхъ ораторовъ, а на помощь своихъ братьевъ по труду, расчитывая на всеобщую стачку всѣхъ организованныхъ рабочихъ.

Классовое сознаніе и организованность французскихъ углекоповъ ростутъ необычайно быстро. Современные черные рыцари труда стоятъ неизмѣримо выше углекоповъ, описанныхъ Золя въ его «Germinal'ѣ».

Разумѣется и послѣдняя стачка ихъ многому научила и сильно воспитала ихъ классовую солидарность. Сдѣланъ новый шагъ къ побѣдѣ пролетаріата, къ паденію господства буржуазіи. А она, какъ всѣ обреченные на погибель, поражена слѣпотой и продолжаетъ «забавляться».

Въ самый разгаръ послѣдней стачки, когда болѣе сотни тысячъ черныхъ рыцарей труда обрекали себя на голодъ и всевозможныя лишенія, французскія буржуазныя газеты были переполнены описаніями буржуазныхъ и аристократическихъ охотъ на фазановъ и куропатокъ.

Въ «Matin» въ день объявленія стачки передовая статья подробно описывала полетъ куропатки, смертельно раненной сзади. Буржуазія переживаетъ не эпоху всеобщей стачки, а сезонъ осенней охоты. Невольно вспоминается послѣдній римскій императоръ, который, когда ему сообщили о гибели Рима, подумалъ, что дѣло идетъ о смерти его любимаго пѣтуха, называвшагося «Римомъ». Ничего, господа, продолжайте забавляться куропатками и пѣтухами! Вашему господству близится конецъ. Идутъ «варвары», приносящіе новыя силы, новую жизнь.

Массовыя и всеобщія стачки въ Австріи въ 1902 году.

И въ Австріи, несмотря на обостренную вражду національностей, ростетъ и развивается борьба между трудомъ и капиталомъ, между пролетаріатомъ и буржуазіей господствующими классами, среди которыхъ кромѣ буржуа играютъ еще большую роль крупные землевладѣльцы—«крѣпостники».

Борьба эта все чаще проявляется грандіозными стачками, носящими характеръ «всеобщности».

Названія «всеобщей» вполнѣ, напр., заслуживаетъ стачка *тріестскихъ* рабочихъ въ февралѣ 1902 г.

Стачка началась забастовкой кочегаровъ астрійской пароходной компаніи Ллойдъ въ числѣ 800 чел. Кочегары потребовали: освобожденія отъ обязательной

ночевки на борту (во время стоянки пароходовъ въ гавани) половины всего персонала кочегаровъ; вознагражденія за постоянную работу, исполняемую сверхъ прямыхъ обязанностей въ теченіе трехъ часовъ; введенія восьмичасовыхъ смѣнъ.

На второе изъ требованій администрація немедленно согласилась, послѣднее объявила неисполнимымъ, а о первомъ заявила, что исполненіе его находится въ зависимости отъ распоряженія морскаго вѣдомства, считающаго ночевку кочегаровъ на борту необходимымъ въ видахъ безопасности.

Депутація кочегаровъ отправилась тогда къ представителю морского вѣдомства, но тотъ не пожелалъ съ ней разговаривать; въ распоряженіе же Ллойда для замѣны забастовавшихъ кочегаровъ предоставилъ военныхъ матросовъ. Тогда все рабочее населеніе Тріеста стало на сторону забастовавшихъ кочегаровъ, и началась всеобщая стачка. Обычная жизнь портоваго города сразу пріостановилась. Все стихло. Движеніе трамваевъ прекратилось. Угрюмо стояли въ гавани многочисленные суда, не имѣя восможности ни выгружаться, ни нагружаться. Не было возможности доставлять даже почту, привозимую морскимъ путемъ. Вечеромъ городъ погрузился во мракъ, никто не соглашался зажигать газовыхъ фонарей. Газеты не выходили, такъ какъ забастовали всѣ типографщики. Большинство магазиновъ закрылось.

14-го февраля руководителями стачки было созвано народное собраніе, на которое явилось болѣе 4000 рабочихъ. Предсѣдатель собранія сообщилъ, что администрація Ллойда согласилась назначить для обсужденія всѣхъ спорныхъ пунктовъ третейскій судъ, въ который вошли три делегата отъ компаніи, три делегата отъ рабочихъ, предсѣдательство же предложено подестѣ (городскому головѣ). На рабочихъ это заявленіе произвело хорошее успокаивающее впечатлѣніе, и они мирно безъ всякихъ революціонныхъ криковъ вышли изъ залы собранія, но, прежде чѣмъ разойтись, рѣшили пройтись по главнымъ улицамъ города. Къ нимъ присоединилось много рабочихъ и горожанъ, не бывшихъ на собраніи. На главной площади образовалась сплошная толпа. Войскамъ было приказано очистить площать, и солдаты, по приказу офицеровъ,

стали дѣйствовать штыками. Нѣсколько человѣкъ было ранено. Въ войско полетѣли камни, одинъ изъ лейтенантовъ получилъ удары въ грудь и голову; тогда безъ всякаго предупрежденія въ толпу былъ данъ залпъ. 8 человѣкъ остались на мѣстѣ убитыми; 25 были тяжело ранено. Послѣ этого «площать была очищена».

Это кровопролитіе произвело на всѣхъ жителей сильное впечатлѣніе. Огромное большинство ихъ стало на сторону стачечниковъ. Городская дума немедленно собралась на экстренное засѣданіе, постановила похоронить убитыхъ на городской счетъ и въ пользу ихъ семей ассигновала 10.000 кронъ. На многихъ домахъ были траурныя флаги.

Городъ былъ объявленъ на осадномъ положеніи, но за то и требованія кочегаровъ были удовлетворены.

Парламентъ для успокоенія рабочаго населенія потребовалъ разслѣдованія дѣла и предлагалъ правительству взять на себя заботу о семьяхъ убитыхъ.

Разслѣдованіе было, конечно, обычною комедіей; во всемъ, по заявленію министра-президента Кербера, оказались виноваты «анархисты».

Вскорѣ послѣ тріестскихъ убійствъ произошли убійства львовскія. И здѣсь пролилась рабочая кровь, но и въ Львовѣ, и въ Тріестѣ пролилась она не понапрасну. Каждая капля этой рабочей крови уменьшаетъ возможность направлять противъ рабочихъ въ блузахъ штыки рабочихъ въ мундирахъ.

Во Львовѣ (главномъ городѣ восточной Галиціи), 26-го мая началась стачка строительныхъ рабочихъ въ числѣ около 500 человѣкъ; но въ городѣ уже была масса безработныхъ, этихъ забастовщиковъ по-неволѣ. Въ ежедневныхъ собраніяхъ и процессіяхъ принимало участіе болѣе 6000 человѣкъ, но благодаря усиліямъ мѣстной соціалдемократической организаціи, порядокъ сохранился образцовый.

Стачка окончилась бы мирно, если бы хозяева не вели двойной игры. то соглашаясь на требованія стачечниковъ, то отвергая ихъ.

«30 мая» — писалъ въ № 6-мъ «Листковъ Жизни» М. Лозинскій — «произошло частичное соглашеніе, всѣ надѣялись, что стачка скоро кончится.

31 мая назначено было продолженіе переговоровъ; изъ представителей предпринимателей пришелъ на

совѣщаніе лишь одинъ и заявилъ отъ имени товарищей, что они не могутъ подписать условій, на которыя они наканунѣ уже согласились.

31-ое мая и 1-ое іюня прошли еще спокойно, хотя раздраженіе и недовольство голодной массы, видимо, росло.

Наступило 2 іюня.

На такъ называемой Стрѣлецкой площади, состоялось обычное собраніе, въ немъ приняло участіе нѣсколько тысячъ человѣкъ. Около 10 часовъ утра, когда толпа стала уже расходиться, случайно по площади проходилъ отрядъ пѣхоты. Одинъ изъ солдатъ толкнулъ какую то женщину, а мужа, заступившагося за нее, сейчасъ же окружили солдатами и арестовали. Толпа бросилась отбивать товарища, но все-таки кое-какъ успокоилась. Все кончилось бы благополучно, такъ какъ выше названный отрядъ пѣхоты уже прошелъ, но въ это время полиція позвала «на помощь» отрядъ гусаровъ и пѣхоты. Толпу окружили съ двухъ сторонъ. Положеніе стало серьезнымъ. Толпа не хочетъ разойтись, пока войско не удалится, а комисаръ полиціи со словами: «этого слишкомъ ужъ много!» — даетъ знакъ къ дѣйствію.

Конница пять разъ проносится по площади, покрытой безоружными людьми. Толпа, до крайности разъяренная, защищается камнями, ставитъ баррикады... Раненные и убитые падаютъ съ обѣихъ сторонъ... Конница начинаетъ стрѣлять — безъ команды!... Такъ продолжается до вечера.

3-е и 4-ое іюня Львовъ выглядѣлъ, какъ во время войны...

Къ вечеру 4 іюня стачка кончилась соглашеніемъ. За рабочими признанъ $9^1/_2$ часовой рабочій день (вмѣсто 10 часового) и минимальная поденная плата: для каменщика 3 короны, для плотника 2.80 короны, для помощника 1.60 короны, для помощницы 1.20 короны. Кромѣ того рѣшено устроить бюро посредничества работы, которымъ будутъ управлять представители отъ рабочихъ и предпринимателей; предприниматели обязуются нанимать рабочихъ исключительно черезъ посредство этого бюро.

4 іюня состоялись похороны пяти рабочихъ, павшихъ отъ гусарскихъ сабель и пуль. Около 200 ранено

болѣе или менѣе тяжело. Многіе изъ нихъ не обращались за медицинской помощью изъ боязни попасть подъ судъ, который явится эпилогомъ этихъ кровавыхъ событій...

Львовскія жертвы тотчасъ (2 іюня) нашли защитниковъ въ австрійскомъ парламентѣ въ лицѣ соціалдемократическихъ депутатовъ. Но «неотложныя предложенія», которыя нѣсколько дней подрядъ вносились соціалдемократами, оказали развѣ ту пользу, что съ парламенской трибуны раздался рѣзкій голосъ безпощадной критики существующихъ порядковъ. И у правительства, и у буржуазнаго парламента слишкомъ толстая кожа и мѣдный лобъ, чтобы удовлетворить требованія представителей рабочихъ. Выслушавъ ихъ съ большимъ или меньшимъ нетерпѣніемъ и непріятностью, парламентъ перешелъ къ порядку дня, къ закону о налогѣ на желѣзно-дорожные билеты, отчего особенно должны пострадать интересы тѣхъ же рабочихъ.»

Вскорѣ послѣ города поднялась галицiйская деревня.

Массовая стачка галицiйскихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ имѣетъ огромное значеніе для всего мірового пуолетаріата, но особенно важна она для «борющейся Россіи».

По своему основному населенію Галиція, по крайней мѣрѣ восточная половина ея, область на столько-же русская, какъ и прилегающія къ ней юго-западныя губерніи русской имперіи. Галиція—въ сущности часть Украйны, болѣе или менѣе случайно включенная въ пеструю имперію Габсбурговъ. Населеніе почти исключительно земледѣльческое. Трудящуюся массу составляютъ руссины, говорящіе по-малорусски, и отчасти поляки. Господствующій классъ составляютъ исключительно поляки, польская шляхта, сосредоточивающая въ своихъ рукахъ большую часть земли, которую она нерѣдко отдаетъ въ аренду евреямъ. Трудящаяся масса —крестьяне были освобождены въ 1848 году съ очень небольшимъ количествомъ земли; съ тѣхъ поръ большая часть ихъ превратилась въ безземельныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и батраковъ. На 842 275 самостоятельныхъ хозяевъ, считая помѣщиковъ и арендаторовъ, приходится 2 144 446 «рабочихъ», 201 726

«батраковъ» и 14 941 «домашней прислуги». Такимъ образомъ въ общемъ 2 371 113 чистыхъ пролетаріевъ, не считая членовъ ихъ семей, «не имѣющихъ своего главнаго заработка»; но и среди крестьянъ, владѣющихъ землей, очень много такихъ, которые не могутъ существовать своимъ надѣломъ и должны ходить на работу къ «панамъ». По вѣроисповѣданію «паны» — католики, руссинскіе же крестьяне—уніаты. И такъ мы видимъ три класса, три національности (поляки, руссины, евреи), три вѣроисповѣданія. Національныя и вѣроисповѣдальныя различія обостряютъ, конечно, классовую вражду и въ то же время отчасти затемняютъ классовое сознаніе; тѣмъ не менѣе руссинскимъ и польскимъ соціалистамъ удалось настолько прояснить сознаніе галиційскаго пролетаріата, что его грандіозная стачка носитъ чисто-классовой характеръ, почти безъ всякой примѣси національной, рассовой или религіозной вражды. Результаты соціалистической пропаганды и агитаціи мало отражались на выборахъ, такъ какъ въ Галиціи о свободной подачѣ голосовъ не можетъ быть рѣчи; выборы дѣлаются и поддѣлываются по желанію «всесильной» шляхты; небольшая доля свободы, которой надѣлена Австрія, распредѣлена по ея областямъ очень неравномѣрно, и на Галицію свободы приходится такъ мало, что даже у русскаго человѣка, пріѣхавшаго туда, не закружилась бы голова отъ излишка «свѣжаго воздуха». Всесильная на «выборахъ» шляхта принуждена была уступить стотысячной стачкѣ, проведенной съ необычайной выдержкой и самоотверженіемъ.

Стачка началась передъ самой жнитвой, когда поля пановъ желтѣли спѣлой пшеницей, ждущей косы. Рабочіе нѣсколькихъ общинъ потребовали, чтобы имъ увеличили заработную плату. Когда имъ въ этомъ было отказано, они съ своей стороны отказались итти косить хлѣбъ, образовавъ стачечный комитетъ. Вѣсть о стачкѣ быстро распространилась по окружнымъ и уѣзднымъ селеніямъ, и скоро стачкой было обхвачено болѣе 200 общинъ съ болѣе, чѣмъ 100 000 рабочихъ-стачечниковъ. Повсюду образовались стачечные комитеты, повсюду рабочіе дѣйствовали въ полномъ согласіи, поддерживая другъ друга; во многихъ мѣстахъ забастовали не только всѣ сельскохозяйственные ра-

бочіе, но и всѣ служащіе въ усадьбахъ. Стачечники держались необычайно спокойно: ни расхищенія имуществъ, ни убійствъ, ни поджоговъ. Помѣщики, конечно, страшно завопили, и послушное правительство немедленно двинуло въ мѣста стачки массу жандармовъ, а затѣмъ и конные и пѣхотные полки. Правительственные и помѣщичьи агенты всѣми силами старались возбудить стачечниковъ, чтобы можно было пустить въ ходъ пули и сабли и на всегда отучить «мужичье» отъ дерзкой мысли защищать свои интересы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, произошли столковенія, и крестьянская кровь пролилась, но въ общемъ стачечники, руководимые интеллигентными представителями, съумѣли сохранить спокойствіе, несмотря на самые возмутительные вызовы и, въ концѣ концовъ, остались побѣдителями. Стачка закончилась удовлетвореніемъ требованій рабочихъ. Не дешевою цѣною досталась эта побѣда. Если не много пролито крови, то много пролито слезъ. Тысячи «зачинщиковъ» томятся въ тюрьмахъ; но слезы эти пролиты не даромъ. Галиційская сельскохозяйственная стачка имѣетъ огромное значеніе для всего деревенскаго пролетаріата, ею выработалось новое звено, соединяющее трудящуюся деревню съ трудящимся городомъ. «Идіотизмъ деревенской жизни» начинаетъ уступать мѣсто просвѣтленному пролетарскому сознанію.

Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ описаній стачки, помѣщенныхъ въ руссинскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ газетахъ *).

«Кто посѣтилъ мѣстности, гдѣ вспыхнула стачка, — разсказываетъ Семенъ Виттикъ въ краковскомъ соціалдемократическомъ органѣ «Naprzòd», — тотъ долженъ былъ поразиться торжественной тишиной и спокойствіемъ въ деревняхъ. Можно было думать, что это какой нибудь большой и важный праздникъ: никакихъ споровъ, никакой музыки, трактиры почти совершенно пусты. Отъ деревни къ деревнѣ идетъ лишь одинъ кличъ: «твердо держитесь вмѣстѣ и оставайтесь спокойны». Это серьезное и глухое спокойствіе нарушаетъ сонъ помѣщиковъ, и по истинѣ сельско-хозяй-

*) Цитируемъ по сообщеніямъ органа нѣмецкой соціалдемократіи «Vorwärts'a».

ственнымъ рабочимъ очень трудно сохранить хладнокровіе въ виду неслыханныхъ насилій. Жандармы, какъ воры, вламываются въ избы, хватаютъ людей съ постели, заковываютъ въ цѣпи и гонятъ пѣшкомъ въ тюрьму. Достаточно, чтобъ два или три человѣка стояли вмѣстѣ и о чемъ-нибудь разговаривали, чтобъ немедленно появились жандармы и разогнали разговаривающихъ, или арестовали за устройство «недозволеннаго собранія подъ открытымъ небомъ». Горе, если крестьянинъ что-нибудь возразитъ жандарму, его сейчасъ же обвинятъ въ воспрепятствованіи исполненію служебныхъ обязанностей, или въ чемъ нибудь подобномъ. Достаточно, если крестьяне одной деревни извѣстятъ крестьянъ другой деревни о стачкѣ, чтобы имъ быть арестованными за совершеніе насильственныхъ дѣйствій.

Жандармъ, сопровождавшій меня въ тюрьму, сказалъ мнѣ совершенно открыто: «я бы, ей Богу, сталъ стрѣлять при малѣйшемъ сопротивленіи. Посмотрите, мы носимся кругомъ и устаемъ какъ собаки, а мужичье сидитъ въ своихъ избахъ и высмѣиваетъ насъ».

«30-го іюля,—сообщаютъ изъ Чорткова,—въ 6 часовъ вечера 160 забастовавшихъ крестьянъ близь лежащихъ деревень пригнали въ Чортковъ подъ сильнымъ конвоемъ изъ жандармовъ и солдатъ. Ихъ гнали закованными попарно въ цѣпи и привели во дворъ схода, гдѣ ихъ заставили ждать два часа.

Наконецъ явился прокуроръ изъ Тарнополя и началъ дознаніе. Крестьянамъ было представлено обвиненіе въ совершеніи насильственныхъ дѣйствій и многихъ другихъ преступленій. Арестованные просили пить, такъ какъ они прошли въ жару пѣшкомъ много верстъ. На ихъ просьбу долго не обращали никакого вниманія, женщину-же, которая принесла имъ воды, жандармы прогнали прочь.

Между арестованными были пожилые люди, нѣкоторые падали въ обморокъ. Поздно ночью ихъ отправили, наконецъ, въ кавалерійскія казармы, а оттуда въ Тарнополь, такъ какъ чортковская тюрьма была переполнена стачечниками...»

«Уѣздный комисаръ Мюнеръ въ Черченьовчѣ, — разсказываетъ львовскій *консервативный органъ* „Przedswit“, — рѣшилъ сломить сопротивленіе стачечниковъ

и приказалъ привести къ мѣсту работы ,,нарушителей стачки", навербованныхъ въ Буковинѣ. Полроты солдатъ и двадцать жандармовъ конвоировали нарушителей стачки отъ помѣщичьяго дома до поля. Сотни стачечниковъ съ женами и дѣтьми молча смотрѣли на это шествіе рабочихъ. Внезапно женщины бросились къ жандармамъ и солдатамъ, хватали ихъ за колѣни и за оружія и, плача, отчаянно умоляли не вести на работу нарушителей стачки. Солдаты отгоняли женщинъ ударами ружейныхъ прикладовъ. Когда шествіе вошло въ узкій переулокъ, женщины выбѣжали впередъ и легли кучей одна на другую, образовавъ баррикаду изъ живыхъ тѣлъ. Шествіе остановилось. Солдаты принялись „очищать" препятствіе. Приходилось бороться съ каждой отдѣльной женщиной. Беременныя выступали передъ солдатами и, разрывая рубашки, кричали: ,,Ну, что-же, колите"»!

«Крестьяне, — разсказываетъ руссинская газета ,,Діло", — послали къ помѣщику выборныхъ, чтобы прійти къ соглашенію. Помѣщикъ велъ переговоры съ выборными на дворѣ. Въ тридцати шагахъ стояли крестьяне и молча слушали переговоры.

Вдругъ появляется отрядъ гусаровъ, проскакиваетъ черезъ толпу и выстраивается на дворѣ. Крестьяне продолжаютъ переговоры. Внезапно, безъ предварительнаго предупрежденія, гусары съ двухъ сторонъ налетаютъ на толпу и начинаютъ ожесточенно рубить саблями, хотя толпа не подавала къ этому рѣшительно никакого повода. Они не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Даже тѣ, кто спрятались за заборомъ, были въ кровь избиты саблями. Два крестьянина были смертельно ранены въ тотъ моментъ, какъ они хотѣли перелѣзть черезъ заборъ, шесть крестьянъ были ранены тяжело, легко-же очень многіе. Отъ жандармовъ и гусаръ старались не отстать чиновники и судьи, которые, конечно, были ни сторонѣ помѣщиковъ. Секретарь уѣзднаго управленія Слонецкій опредѣлилъ обязанность мѣстныхъ властей слѣдующими словами: ,,нигдѣ не допускать соглашенія, крестьянъ сломить и ихъ ненависть направить противъ стачечныхъ комитетовъ"».

«Секретарь уѣзднаго управленія Хорцика явился въ деревню Васильковичи и, стоя передъ конюшней,

присудилъ одного изъ крестьянъ къ 14-ти днямъ ареста за то. что тотъ присутствовалъ на крестьянскомъ собраніи».

Видите, господа русскіе помѣщики, и при конституціи жить можно! Но безъ конституціи все-же лучше. Какъ ни ужасны всѣ приведенныя здѣсь сцены, онѣ все же блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что дѣлалъ князь Оболенскій въ Харьковской губерніи съ возставшими крестьянами. А главное они *приведены* въ легальныхъ австрійскихъ газетахъ, между тѣмъ, какъ о неистовствахъ Оболенскаго принуждена была молчать вся легальная русская печать. Австрійскій министръ-президентъ фонъ-Кёрберъ, конечно, всѣми силами старался угодить шляхтѣ, требовавшей самыхъ строгихъ мѣръ, но онъ до нѣкоторой степени долженъ былъ считаться и съ энергичными протестами русинскихъ народныхъ представителей, разъѣзжавшихъ по району стачки и разъяснявшихъ истинное положеніе вещей въ телеграммахъ въ газеты и къ министру-президенту. Присутствіе народныхъ представителей среди стачечниковъ, если и не удерживало полицейскихъ и жандармовъ, увѣренныхъ въ своей безнаказанности, отъ насилій надъ крестьянами, то во всякомъ случаѣ поддерживало бодрость и стойкость забастовавшихъ.

Сопоставленіе галиційской стачки съ полтавско-харьковскими крестьянскими безпорядками несомнѣнно показываетъ, что галиційское сельское населеніе въ революціонномъ развитіи стоитъ выше нашихъ крестьянъ; и это объясняется не только тѣмъ, что въ Австріи больше свободы, чѣмъ въ Россіи, а и тѣмъ, что галиційское сельское крестьянство состоитъ въ своей массѣ изъ чистыхъ пролетаріевъ, русское-же крестьянство къ этому состоянію лишь только приближается. Галиційская стачка — сознательная классовая битва. Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ — стихійный бунтъ.

Галиційская стачка показываетъ, что деревенскій пролетаріатъ можетъ бороться за свои классовые интересы не менѣе стойко, чѣмъ пролетаріатъ городской.

Женевская всеобщая стачка 1902 г.

Женева — городъ электрическихъ трамваевъ: они носятся чуть-ли не по всѣмъ улицамъ и соединяютъ центръ съ окраинами и съ ближайшими мѣстечками и деревушками; общая длина рельсъ этой городской электрической дороги превосходитъ 100 верстъ. Дорога принадлежитъ англо-американской акціонерной компаніи, но часть акцій находится въ рукахъ также и женевскихъ капиталистовъ. Акціонеры жалуются, что дорога приноситъ мало дохода, что проценты ростутъ недостаточно быстро. Директору Лавалю пришлось выйти въ отставку. Его заступаетъ мексиканецъ Брадфордъ, и тотчасъ находитъ способъ увеличить доходы акціонеровъ. Чѣмъ меньше получаютъ кондуктора и другіе служащіе на трамваяхъ, тѣмъ больше — разсуждаетъ Брадфордъ — будутъ пополучать владѣльцы-акціонеры. По старымъ, заслуженнымъ служащимъ, успѣвшимъ уже организоваться въ товарищескій союзъ, понизить плату было неудобно, и вотъ Брадфордъ цѣлой системой прижимокъ старается избавиться отъ организованныхъ служащихъ, чтобы замѣнить ихъ дешевыми новичками. Начались «недоразумѣнія» и столкновенія между служащими и правленіемъ компаніи. Служащіе обратились съ жалобой въ промысловый судъ, тотъ высказался въ ихъ пользу, но компанія не захотѣла считаться съ его рѣшеніемъ и сразу уволила 44 человѣка, которыхъ Брадфордъ считалъ наиболѣе безпокойными. Служащіе отвѣтили провозглашеніемъ стачки, она началась съ рѣдкимъ единодушіемъ. Движеніе по всѣмъ линіямъ сразу прекратилось. Публика, оказавшись безъ обычнаго средства передвиженія, стала терпѣть неудобства и заволновалась, виня не служащихъ, а компанію, которая и по отношенію къ пассажирамъ не проявляла особенной предупредительности.

При полномъ единодушіи стачечниковъ и подъ давленіемъ публики компанія должна бы была скоро сдаться, но стачечники, по совѣту нѣкоторыхъ черезчуръ умѣренныхъ руководителей, предложили покончить дѣло третейскимъ судомъ, составленнымъ изъ членовъ кантональнаго совѣта.

Для компаніи это было удобнымъ случаемъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія и она съ своей стороны тоже согласилась на третейскій судъ. Кантональный совѣтъ, разобравъ дѣло, рѣшилъ его въ пользу стачечниковъ, и стачка тотчасъ прекратилась. Но «компанія», конечно, и не думала честно подчиниться третейскому рѣшенію; ей нужно было лишь выиграть время, чтобы набрать и подготовить новый составъ служащихъ.

Прижимки усилились, «подстрекателей» перевели на низшія должности и т. д.

Это было въ серединѣ сентября. Къ концу мѣсяца вспыхнула новая стачка, но на этотъ разъ къ ней приступила лишь половина служащихъ; движеніе уменьшилось, но не прекратилось.

Буржуазная публика, недовольная новымъ нарушеніемъ «порядка и спокойствія», перестала симпатизировать стачечникамъ; но за то за нихъ вступились ихъ братья-рабочіе.

Федерація рабочихъ союзовъ, для поддержки забастовавшихъ служащихъ электрическихъ трамваевъ, объявила въ среду 8-го октября всеобщую стачку. Въ четвергъ утромъ около 15000 рабочихъ различныхъ профессій прекратили работу. Закрылись фабрики, мастерскіе, пріостановился выходъ газетъ, прекратилось и движеніе трамваевъ, но городскіе электротехники, газо и водопроводчики, въ рукахъ которыхъ въ сущности лежало рѣшеніе дѣла, къ стачкѣ, къ сожалѣнію, не примкнули.

Во всякомъ случаѣ буржуазія страшно переполошилась, и ея представители, засѣдающіе въ «кантональномъ совѣтѣ», и именующіе себя демократами, либералами и радикалами, поспѣшно принялись «спасать отечество». Мѣры были приняты «радикальныя», какъ съ усмѣшкой замѣтилъ въ кантональномъ собраніи предсѣдатель кантональнаго совѣта «радикалъ» Фази.

Надъ свободной республикой повисла туча буржуазнаго террора, едва-ли не худшаго, чѣмъ терроръ самодержавный.

Народное ополченіе (милиція) было призвано къ оружію, и городъ принялъ видъ военнаго лагеря: повсюду отряды солдатъ, барабанный бой, пикеты конныхъ «гидовъ», солдаты-велосипедисты и т. д.

«Терроръ» достигъ своего высшаго произвола, своей высшей жестокости послѣ того, какъ стачечники устроили мирную процессію, превращенную войсками въ бойню безоружныхъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей. Молча, безъ пѣсенъ и криковъ, двигались рабочіе съ своими женами и дѣтьми, группируясь вокругъ своихъ знаменъ, двигались изъ квартала бѣдняковъ въ кварталы богачей; на ронскомъ мосту военные велосипедисты преградили процессіи дорогу, пѣхота же со штыками на перевѣсъ стала тѣснить ее сзади. Одинъ изъ рабочихъ, обнаживъ свою грудь, бросился къ солдатамъ и воскликнулъ: «Бейте теперь, чтобы можно было видѣть, люди вы или нѣтъ!»

Солдаты невольно отступили.

Избѣгнувъ на мосту столкновенія, процессія такъ же тихо, также серьезно двинулась дальше....

«Она была печальна эта толпа рабочихъ» — говорилъ одинъ изъ руководителей женевскихъ рабочихъ анархистъ Бертони передъ буржуазнымъ судомъ присяжныхъ 13 ноября 1902 г. — «она покрыла крепомъ свои знамена, чувствуя торжественность минуты. Всѣ оставили работу торжественно и тихо, толкаемые непреодолимою силою неяснаго еще идеала, коренящагося скорѣе въ глубокомъ, таинственномъ инстинктѣ, чѣмъ въ мысли, развитію которой мѣшаетъ тяжелая каждодневная работа, коренящагося въ желаніи неопредѣленномъ, но повелительномъ, влекущемъ всѣ существа, всѣ вещи къ высшимъ формамъ жизни.

Процессія двинулась въ путь. Забыты всѣ мелкія разногласія и обиды, забыты непріязнь и зависть, забыто все, что до сихъ поръ такъ часто раздѣляло людей, составляющихъ эту огромную толпу. Сердца бьются въ унисонъ. Ни жеста, ни крика. Нѣсколько голосовъ начинаютъ пѣсню скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по внутреннему желанію; но они тотчасъ смолкаютъ, не находя отклика. Какая-то болѣзненная тяжесть заставляла содрогаться души всѣхъ: что будетъ дальше? Не присоединится-ли новая страница къ книгѣ мученій рабочихъ? Хозяева перепуганы, они сознаютъ, что они попирали ногами элементарнѣйшую равноправность, что противились малѣйшей уступкѣ идеѣ справедливости и потому имѣютъ всѣ основанія ждать народнаго мщенія. Не захотятъ-ли они по-

спѣшить спасти себя жестокимъ насиліемъ? Въ оружейныхъ магазинахъ въ этотъ день можно было видѣть массу этихъ негодяевъ, которые предпочитаютъ вмѣсто хлѣба дать народу свинецъ! Ахъ, если-бъ было доказано, что оружіе покупали рабочіе, то они, конечно, были-бы брошены на эту скамью обвиняемыхъ, но это были богатые, и правосудіе ихъ, конечно, не станетъ искать. Процессія двигалась дальше. Вдругъ протяжный крикъ крикъ скорѣе безропотной покорности, чѣмъ возмущенія. Народъ, послѣ столькихъ лѣтъ рабства, дошелъ до того, что находитъ естественнымъ насиліе своихъ господъ. Это была первая атака, руководимая Шенуа который заявилъ, въ качествѣ свидѣтеля, что на мосту было много криковъ и свистковъ, но не было настоящихъ насилій, направленныхъ противъ солдатъ. Вотъ неопровержимое доказательство, что въ наши намѣренія не входило никакого насилія. Мы продолжали нашъ путь все болѣе и болѣе печальные и озабоченные. Конечно, никто изъ насъ не ощущалъ страха въ собственномъ значеніи слова, но каждый изъ насъ въ предвидѣніи чего-то важнаго болѣлъ душою за тѣ несчастья, которыя можетъ-быть ожидаютъ невинныхъ женщинъ и дѣтей. Несмотря на проливной дождь, процессія двигалась все дальше и дальше, толкаемая необъяснимою силою, быть можетъ тою самою силою, которую древніе называли fatum (судьба), управлять которою не могъ самъ Юпитеръ. Еще остановка, крики, аплодисменты, легкое замѣшательство, затѣмъ снова тишина и шествіе подъ потоками дождя.

Народъ, твоя душа въ извѣстные часы величава и прекрасна: вы угнетенные, вы изгнанные, вы лишенные всѣхъ благъ, вы идете впередъ, хотя васъ ожидаетъ тюрьма, ссылка и нѣчто еще болѣе ужасное —безработица и нищета.

И все-же впередъ! Не для осуществленія идеала (онъ, увы, еще очень далекъ!), но для того, чтобы отъ насъ не ускользнула наша мечта, чтобъ мы-бы могли еще ею наслаждаться. Да, среди нашихъ рабочихъ союзовъ мы больше всего чувствуемъ возможность лучшей жизни; еслибъ они исчезли, мы потеряли-бы наши лучшія надежды, мы бы напрасно искали на что-бы опереться. Стойте прямо, работники, стойте прямо, чтобъ ихъ защищать. Это они, главнымъ об-

разомъ, даютъ намъ силу итти на завоеваніе будущаго. Во мракѣ среднихъ вѣковъ союзы ремесленниковъ завоевали первыя вольности, имъ мы обязаны блестящей исторіей городскихъ общинъ. Нѣтъ прошлаго болѣе славнаго, какъ прошлое рабочихъ союзовъ. Они умѣли одновременно работать для прогресса и бороться за свободу. Дѣло цивилизаціи создано не войсками, а ремесленниками.

...Отчаянные крики, внезапный безпорядокъ, сумятица, и я вижу передъ собой солдатъ блѣдныхъ, какъ трупы.... Они атаковали толпу, и ихъ командиръ видимо хвалится лоскутьями знамени, которые болтаются на концѣ его шпаги. Печальный трофей! Я никогда не забуду этой сцены.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, часть процессіи вновь образовалась. Солдаты пытаются еще разъ ее разсѣять, но толпа держится компактно, и мы имѣемъ возможность продолжать нашу дорогу, чтобы собраться въ томъ-же домѣ, изъ котораго мы вышли.»

Въ тотъ-же день Бертони, Штейнегеръ, Кроазье и другіе члены стачечной комиссіи были арестованы. Арестовано было и много стачечниковъ. Около сотни иностранцевъ были высланы не только изъ предѣловъ кантона, но и изъ предѣловъ Швейцаріи на отечественныя границы, гдѣ многихъ изъ нихъ ждало тюремное гостепріимство. Буржуа въ солдатской формѣ забавлялись ловлей рабочихъ, казавшихся имъ неблагонадежными; кавалеристы, состоящіе исключительно изъ богатыхъ гражданъ, такъ какъ они сами должны содержать своихъ лошадей, вели себя не лучше русскихъ казаковъ. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ подвиги этихъ кавалеристовъ, такъ называемыхъ «гидовъ», Зандмейеръ въ письмѣ къ редактору женевской газеты «Le Socialiste Démocrate»: «Мы встрѣчаемъ,— разсказываетъ Зандмейеръ, описывая свою прогулку 10-аго октября вечеромъ,—довольно многочисленную публику, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, видимъ даже дѣтскую коляску; всѣ медленно двигались, какъ вдругъ внезапно я увидѣлъ дюжину кавалеристовъ, съ саблями на-голо, которые неслись на насъ, галлопируя по мостовой и тротуарамъ, посреди толпы, рубя своими саблями направо и налѣво.

Я едва успѣлъ съ своей сестрой скрыться въ во-

рота одного изъ домовъ, какъ три кавалериста пронеслись въ карьеръ мимо. Изъ открытыхъ дверей я увидѣлъ тогда вещь возмутительную, невѣроятную: по тротуару бѣжала обезумѣвшая толпа, главнымъ образомъ, женщины; открытъ былъ только одинъ корридоръ, который быстро заполнился. Остальныя женщины столпились передъ домомъ, а «гиды», въѣхавъ на тротуаръ, отрѣзали имъ отступленіе и начали бить своими саблями. Я видѣлъ, какъ удары сабель сыпались въ корридоръ, наполненный народомъ, я видѣлъ, какъ пять или шесть лицъ, смотрѣвшихъ изъ нижняго этажа этого дома, получили удары саблей за то, что не смогли удержаться, чтобы не крикнуть этимъ звѣрямъ: «разбойники!»

Я видѣлъ, какъ жандармы выбрасывали изъ корридоровъ мужчинъ и женщинъ и какъ за ними охотились «гиды». Мимо меня проѣхалъ офицеръ, я не могъ удержаться, чтобы не крикнуть ему: «Да арестуйте же, наконецъ, этихъ дикарей!» Онъ измѣрилъ меня взглядомъ и крикнулъ мнѣ: «Вы швейцарецъ?» Я не успѣлъ отвѣтить ему: «О, да! и я стыжусь въ это время быть имъ». А онъ, тихо проѣхалъ дальше и продолжалъ распоряжаться этой «охотой на людей».

Да, при видѣ этихъ буржуазныхъ звѣрей, которые всегда неизмѣримо отвратительнѣе звѣрей дикихъ, Зандмейеръ могъ стыдиться быть гражданиномъ Швейцаріи, гдѣ все еще хозяйничаетъ буржуазія, но и въ ней, наряду съ буржуазными звѣрями, есть люди будущаго. Къ нимъ принадлежатъ тѣ 15 представителей рабочаго класса, которые отказались явиться « на призывъ », которые отказались выйти, въ качествѣ солдатъ, противъ своихъ братьевъ-стачечниковъ.

Всѣхъ ополченцевъ*), не явившихся на призывъ для водворенія порядка, яко бы нарушеннаго стачкой, было около 400; но только 15 изъ нихъ заслуживаютъ быть занесенными въ исторію, ибо они не искали никакихъ предлоговъ для оправданія своего отсутствія, не проявили никакого раскаянья: какъ до суда, такъ и на судѣ они безъ всякихъ оправданій заявляли, что

*) Въ Швейцаріи, какъ извѣстно, нѣтъ постояннаго войска, его замѣняетъ милиція или ополченіе.

убѣжденіе запрещаетъ имъ итти противъ своихъ согражданъ-рабочихъ.

Увы, такихъ убѣжденныхъ людей пока еще слишкомъ мало, увы, и солидарность рабочихъ пока еще не достигла той высоты, при которой всеобщія стачки могли бы не только пугать, но и побѣждать буржуазію. Женевская «всеобщая стачка» продолжалась всего три дня и не принесла никакой непосредственной пользы служащимъ на электрическихъ трамваяхъ, но она показала тотъ путь, на которомъ будетъ побѣждена буржуазія, будетъ побѣждена тогда, когда солидарность и организованность рабочихъ приблизится къ всеобщности, когда только единицы, жалкія единицы изъ солдатъ-рабочихъ, будутъ соглашаться поднимать оружіе противъ своихъ братьевъ стачечниковъ, когда не будетъ ни одной группы рабочихъ, ни одной профессіи, которая рѣшилась бы измѣнить общему дѣлу и поддерживать своей работой буржуазію въ моментъ битвы труда съ капиталомъ...

Нѣтъ, никакихъ сомнѣній, что женевская «всеобщая стачка» сильно двинула впередъ классовое сознаніе женевскихъ рабочихъ и побудила ихъ плотнѣе сплотиться и организоваться...

Преслѣдованія, которымъ женевская буржуазія подвергла главныхъ дѣятелей стачки, освятили ихъ борьбу, разнесли вѣсть о ней по всему міру, заставили сильнѣе биться сердца пролетаріевъ всѣхъ странъ и національностей.

«Побѣжденные» рабочіе полны бодрости, побѣдители же дрожатъ отъ страха... Не бойтесь, у пролетаріевъ нѣтъ вашей буржуазной жестокости, вашей буржуазной мстительности, ибо у нихъ нѣтъ собственности, страхъ за которую изъ человѣка дѣлаетъ буржуазнаго звѣря.

Изъ всѣхъ участниковъ «всеобщей стачки» больше всѣхъ поплатился анархистъ Бертони. При арестѣ его жестоко избили, а за тѣмъ предали вмѣстѣ съ Штейнегеромъ и Кроазье суду присяжныхъ, обвиняя въ цѣломъ рядѣ преступленій противъ общественнаго порядка. Обвинители не могли представить ни одного доказательства, напротивъ, на судѣ выяснилось, что обвиняемые не возбуждали, а успокаивали толпу, тѣмъ не менѣе всѣмъ тремъ былъ вынесенъ обвинительный

приговоръ. Кроазье присужденъ къ 3 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, Штейнеггеръ къ 8 мѣсяцамъ, Бертони къ году; но къ первымъ двумъ примѣненъ законъ объ условномъ осужденіи и они освобождены отъ наказанія подъ условіемъ, что въ теченіе года не совершатъ новаго преступленія. Къ Бертони условное освобожденіе не примѣнено, ибо онъ — слишкомъ чистый, слишкомъ яркій типъ пролетарія, слишкомъ видный гражданинъ будущаго строя, чтобы современный судъ могъ проявить къ нему снисхожденіе.

«Признаете ли вы» — спрашиваетъ его предсѣдатель суда — «что совершили преступленіе, упомянутое въ первомъ пунктѣ обвиненія (попытка нарушить государственную безопасность)?»

Бертони. Нѣтъ, господинъ предсѣдатель.

Предсѣдатель. Развѣ вы не пытались то рѣчами, то статьями въ газетахъ вызвать употребленіе незаконныхъ средствъ, чтобы воспрепятствовать правильному дѣйствію законовъ?

Бертони. Насиліе употреблялось во всѣ времена, это доказываетъ исторія, но я думаю, что революція такая, о какой я мечтаю, еще не готова, и я рѣшительно противъ того, чтобы призывать инертную толпу къ аттакѣ на войска; это было бы сумашествіемъ, впрочемъ, что я этого не дѣлалъ, доказано всѣмъ слѣдствіемъ.

Предсѣдатель. Вы отвергаете и всѣ остальные пункты обвиненія?

Бертони. Разумѣется.

Предсѣдатель. Признаете ли вы, что устроили процессію?

Бертони. Да.

Предсѣдатель. Вы—тессинецъ и вы были воспитаны въ своей семьѣ въ Тессинѣ?

Бертони. Нѣтъ, я воспитывался въ школахъ Италіи, а мой отецъ, бывшій хорошимъ республиканцемъ и «борцомъ за культуру», воспиталъ меня въ своей школѣ, внушивъ ужасъ къ монархіи; не моя вина, что я сдѣлался анархистомъ. Я былъ рабочимъ, я пріѣхалъ въ Женеву двѣнадцати лѣтъ и у меня не было еще опредѣленныхъ идей; я поэтому подчинился воспитанію своего отца. Въ Тессинѣ я былъ радикаломъ и принялъ участіе въ революціи. Въ Женевѣ я изучалъ,

читалъ изслѣдованія о рабочихъ союзахъ, читалъ и «Journal de Genéve», не соглашаясь съ нападеніями этой газеты на соціалистовъ. Если я и находилъ оппозицію противъ соціализма справедливой съ точки зрѣнія индивидуальной свободы, то съ другой стороны мнѣ казалось, что во всякомъ случаѣ необходима матеріальная солидарность между всѣми людьми, и я, къ концѣ концовъ, пришелъ къ убѣжденію, что эта индивидуальная свобода можетъ существовать только при коммунистическомъ строѣ.

Предсѣдатель. Вы редактируете газету?

Бертони. Да.

Предсѣдатель. Вы привлекались къ суду передъ союзнымъ трибуналомъ по поводу «Almanaco socialista anarchico»?

Бертони. Да, но мы были оправданы.

Предсѣдатель. Вы редакторъ «Reveil» и вы написали статью, которая повела за собою разрывъ дипломатическихъ сношеній между Швейцаріей и Италіей.

Бертони. Я не долженъ здѣсь давать отчета объ этой статьѣ, которая къ тому же была очень невинная и была даже воспроизведена итальянскими газетами, не подвергшимися за это преслѣдованію.

Спокойный дѣловой тонъ, какимъ Бертони отвѣчалъ на каверзные вопросы предсѣдателя, смѣнился во время защитительной рѣчи тономъ почти пророческаго одушевленія.

«Я» — сказалъ между прочимъ Бертони — «обвиняюсь въ томъ, что вызвалъ зловредную агитацію: — это совершенно невѣрно. Безъ сомнѣнія, я употребилъ всѣ свои силы на то, чтобы воспламенить умы и заставить ихъ заняться великою проблемою рабочаго освобожденія; я внесъ въ обсужденіе этой проблемы и свое замѣчаніе, которое никому не нравится, но которое расширило пренія, которое придали имъ желательную полноту. Я—рабочій—и я думалъ и думалъ основательно, что намъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ принадлежитъ въ этомъ спорѣ первое слово. Не является-ли въ настоящее время первымъ условіемъ возможности говорить къ народу, это—не быть народомъ? Въ моментъ опасности много-ли находится людей среди такъ называемыхъ народныхъ представителей, которые имѣли-бы храбрость

слиться съ защищаемымъ ими дѣломъ? Я счастливъ, что мнѣ удалось къ словамъ присоединить дѣла. Прежде, чѣмъ кончить, я хочу протестовать во имя всѣхъ тѣхъ изгнанниковъ, противъ которыхъ отчасти справедливо, отчасти несправедливо было выставлено обвиненіе, что они принадлежали къ моимъ знакомымъ, ибо это кажется наиболѣе тяжкое преступленіе изъ всѣхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ кантональными и федеральными законами. Около сотни несчастныхъ отведены на границу ихъ странъ; я получилъ раздирающія душу письма отъ мужей, которыхъ волочили по тюрьмамъ, подвергали всевозможнымъ униженіямъ и лишеніямъ, въ то время, какъ ихъ жены и дѣти находились въ полной нищетѣ. Одинъ несчастный старикъ, человѣкъ религіозный, который много разъ тщетно пытался заставить меня понять всѣ красоты святой библіи, былъ изгнанъ, какъ опасный революціонеръ. Я удивляюсь, что не былъ также изгнанъ итальянскій пасторъ въ Каружѣ, который подарилъ мнѣ прекрасный итальянскій переводъ Евангелія, онъ подвергалъ себя опасности быть замѣченнымъ, что онъ посѣщалъ меня.

Господа, великій итальянскій поэтъ сказалъ, что негодованіе переходитъ иногда въ горькій смѣхъ. Безсмыслица обвиненія такъ велика, что я не могъ отвѣчать въ формѣ столь серьезной, какъ мнѣ это бы хотѣлось, но прежде, чѣмъ кончить свою защиту, я хочу еще разъ подчеркнуть, что я не раскаиваюсь ни въ чемъ, что я сдѣлалъ, такъ какъ я убѣжденъ, что я дѣйствовалъ въ интересахъ рабочаго дѣла. И такъ, если я сказалъ въ этой залѣ что-нибудь, что по вашему мнѣнію похоже на оправданіе, то прошу васъ вѣрить, что слова не соотвѣтствовали моей мысли. Единственный судъ, который я признаю, это — судъ моей совѣсти, и этотъ судъ ни въ чемъ меня не упрекаетъ.

Мнѣ, врагу представительной системы, вы сдѣлали честь, избравъ меня представителемъ рабочаго класса. Хотя этотъ мандатъ обязателенъ, я его все-же принимаю и я стараюсь прежде всего доказать, что, въ противуположность другимъ представителямъ, у меня лишь одинъ языкъ, которымъ я говорю одинаково, какъ на судѣ, такъ и въ народномъ собраніи. Здѣсь, какъ и тамъ, я высказываю свою ненависть и свою любовь, свои мысли и свои намѣренія, свою волю и

свои надежды, высказываю, ничего не скрывая. Обладаете-ли вы, господа, духомъ достаточно либеральнымъ, чтобы признать законнымъ открытое исповѣданіе всякой идеи? Верховная власть народа признана: я требую, чтобы этому воображаемому властелину можно было все говорить и я предлагаю, чтобъ мнѣ доказали, что я ему лгалъ. Никогда я не говорилъ ему, что я призванъ создавать его благополучіе, нѣтъ, напротивъ, я говорилъ, что онъ долженъ спасти себя отъ всѣхъ спасителей и надѣяться только на тотъ прогрессъ, котораго онъ самъ является творцомъ. Обвинять, осуждать кого-нибудь, это такъ отвратительно, что быть можетъ и вы этого не сдѣлаете, но меня поддерживаетъ глубокая увѣренность, что мои братья по борьбѣ, всѣ сознательные рабочіе меня не осудятъ. Что мнѣ за дѣло до вашего осужденія, когда я увѣренъ, каково будетъ осужденіе огромной массы, которая подымается въ чудномъ блескѣ солидарности. Мое сердце бьется въ этотъ моментъ, какъ въ тотъ счастливый день, когда мы. рабочіе, тѣсными рядами, слившись въ одну единую душу, шли впередъ, не обращая вниманія на угрозы и гнѣвъ господъ, шли, чтобы доказать, что идея справедливости не умираетъ въ лонѣ народа, всегда готоваго къ жертвамъ за нея. Сколько сердецъ бьются въ этотъ часъ сильнѣе, охваченыя бо́льшею тоскою, чѣмъ наши, ибо любовь нашихъ братьевъ по борьбѣ не умѣетъ отказываться отъ надежды и находитъ наши испытанія болѣе тяжелыми, чѣмъ они есть въ дѣйствительности.

Братья, впередъ! Никакая вооруженная сила не въ состояніи будетъ разсѣять могучей толпы, двигающейся во имя справедливости! Несмотря на свои жестокія войны, свои темныя бѣдствія человѣчество безпрерывно двигается впередъ. Въ глубинѣ нашихъ душъ медленно вырабатывается идея, которая не находитъ еще ни словъ, ни звуковъ, чудная идея радужнаго будущаго.

Всѣ наши кличи, наиболѣе прекрасные—лишь его неопредѣленное и отдаленное эхо. Мы еще не знаемъ тебя, возвышенное слово, крылатая гармонія, но наша мысль предвидя тебя, полна высшаго утѣшенія, поддерживающаго насъ среди всѣхъ испытаній. Въ глубокой ночи мы живемъ мечтой о зарѣ, и ея идеальный

блескъ достаточенъ, чтобы освѣтить всю нашу реальную жизнь.

Господа присяжные! Справедливость желаетъ прежде всего побѣды труда и тружениковъ; пусть вашъ вердиктъ будетъ одухотворенъ этой идей».

Буржуазные присяжные исполнили свой буржуазный долгъ. Выслушавъ рѣчь Бертони, эту могучую обвинительную рѣчь противъ современнаго строя, они произнесли гражданину строя будущаго обвинительный вердиктъ безъ снисхожденія.

Буржуазія не можетъ быть снисходительна къ такимъ пролетаріямъ, какъ Бертони. Въ своей могучей пролетарской рѣчи, изъ которой мы привели лишь окончаніе, Бертони безжалостно, безъ всякаго снисхожденія обнажаетъ буржуазную душу, онъ срываетъ съ буржуазіи украшающія ее слова о свободѣ, равенствѣ, и братствѣ, онъ показываетъ, что съ перваго же дня своей побѣды, своей «великой революціи», она стала ковать оружіе противъ пролетаріата, противъ трудящихся и неимущихъ, стараясь затушить первые проблески классовой солидарности.

«Принципы, которые Адоры и Ришары*) въ своей ненависти къ народу хотятъ нынѣ провозгласить, ничѣмъ не отличаются» — говоритъ Бертони — «отъ принциповъ, которые буржуазія провела въ жизнь на другой же день послѣ революціи. Новые законодательные акты, которыми намъ теперь угрожаютъ, являются лишь точнымъ воспроизведеніемъ знаменитаго закона, который, по словамъ Бернара Лазара — «экономически говоря, основной законъ конституанты (учредительнаго собранія) — закона 14-го іюня 1791 года, который запрещалъ рабочіе союзы и отказывалъ рабочимъ въ свободѣ защищать свои общіе интересы. Докладъ Шапелье, предшествовавшій голосованію этого закона, содержитъ всю экономическую доктрину промышленной буржуазіи, доктрину, которая въ теченіе ста лѣтъ неизмѣнно прошла черезъ всѣ политическія революціи.

«Гражданамъ извѣстныхъ профессій» — говорилъ Шапелье — «не должно быть позволено собираться вмѣстѣ ради ихъ воображаемыхъ общихъ интересовъ.

*) Женевскіе реакціонеры.

Въ государствѣ нѣтъ болѣе корпорацій, существуетъ только частный интересъ каждаго отдѣльнаго лица по отношенію къ интересу общему. Никому не позволяется внушать гражданамъ интересъ посредническій, лишь свободнымъ соглашеніямъ одного лица съ другимъ предоставляется устанавливать продолжительность рабочаго дня для каждаго рабочаго, а рабочій долженъ съ своей стороны поддерживать соглашеніе, заключенное съ нанимателемъ.»

Бертони — совершенно правъ. Уже во французской революціи буржуазія проявила всю свою ненависть къ трудящемуся пролетаріату, хотя онъ тогда только еще нарождался, ея «революціонная» психологія могла находить откликъ у «санкюлотовъ», этихъ предковъ современныхъ «оборванцевъ», современнаго «Lumpenproletariat», который всегда являлся и является врагомъ пролетаріата трудящагося, пролетаріата, призваннаго создать новое царство справедливости и труда.

«Терроръ» революціонной буржуазіи, терроръ, однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей котораго являлся тщеславный лицемѣръ Робеспьеръ, былъ отвратителенъ тогдашнимъ французскимъ *рабочимъ*, онъ долженъ быть отвратителенъ и всякому современному сознательному и трудящемуся пролетарію.

Посмотрите, какъ описываетъ робеспьеровскій терроръ извѣстный нѣмецкій соціалдемократъ Блосъ въ своей пролетарской «Исторіи французской революціи».

«Пестрою толпою» — пишетъ Блосъ — «падали (во время террора) жертвы; послѣ генерала Бирона погибли три женщины и между ними одна веселая вѣнка Розалія Альбертъ. . . ; за маршаломъ Люкнеромъ слѣдуетъ одинъ бѣдный мыловаръ; 5 и 8 января пали головы двухъ женщинъ: одна изъ нихъ г-жа Лекенжъ изъ Брюсселя была казнена за то, что подписалась на роялистическій журналъ. 16-аго января казнены двѣ женщины, одинъ парикмахеръ и одинъ писецъ: послѣдній за то, что смѣялся надъ конвентомъ. Въ февралѣ на эшафотѣ умираютъ 9 женщинъ, между ними 2 монахини, одна маркиза и одна крестьянка. Въ февралѣ жертвы состоятъ, кромѣ дворянъ, изъ кондитеровъ, ветошниковъ, кучеровъ, солдатъ, парикмахеровъ, поденщиковъ и крестьянъ; 2 марта казнены изъ одной и той же деревни священникъ, мэръ, два кресть-

янина, мельникъ, кузнецъ и сапожникъ; 6 марта съ генералами Шанселемъ и Девономъ на эшафотъ всходитъ и 60 лѣтній крестьянинъ. Такая пестрая смѣсь идетъ и дальше. 17 марта гильотинируютъ бѣдную служанку, двухъ крестьянъ и двухъ кавалеровъ ордена Людовика. 21 марта обезглавлена г-жа Шанъ Лорье за то, что она назвала казнь своего мужа дѣломъ тираніи. Послѣ казни геберистовъ и дантонистовъ трибуналъ вышелъ изъ всякихъ границъ. Жертвы перемѣшиваются самымъ страннымъ образомъ. Нѣмецкому ученому Евлогію Шнейдеру даютъ въ товарищи помощника одного бакалейщика. 13 апрѣля казнятъ Шометта, Гобеля, а вмѣстѣ съ ними Гебера и Камилла Демулена. Чудная Люсиль Демуленъ, дѣти которой играли на колѣняхъ Робеспьера, съ античнымъ мужествомъ положила подъ топоръ свою кудрявую голову. 24 апрѣля казнятъ 33 жителей Вердона за то, что они нѣкогда съ радостью встрѣтили пруссаковъ: кромѣ лицъ, начальствовавшихъ тогда въ городѣ, казнены были 12 женщинъ, одна жена сапожника 70 лѣтъ, одна старая дѣва 75 лѣтъ; затѣмъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ отъ 18 до 22 лѣтъ: эти милыя существа не могли тронуть ни судью, ни палача, *но онѣ тронули народъ, проявившій отвращеніе къ подобной бойнѣ* *). 5 мая казнены 3 молодыхъ модистки; 8 мая — 28 генеральныхъ откупщиковъ и между ними знаменитый химикъ Лавуазье: *онъ просилъ отсрочки казни на 4 недѣли, чтобы окончить одно важное открытіе, на что президентъ трибунала Кофеналь отвѣтилъ ему: «намъ не надо ученыхъ»* *).

«Народъ» — говоритъ Блосъ въ другомъ мѣстѣ своей книги — «никогда не проявлялъ особенныхъ симпатій къ революціонному трибуналу. *Онъ прекрасно понималъ, что эти избіенія, для которыхъ жертвы набирались преимущественно изъ него же, не могли улучшить его положенія.* Поэтому за похоронными колесницами часто слышались свистки и крики, а обитатели тѣхъ улицъ, по которымъ слѣдовали печальныя шествія къ эшафоту, закрывали ставни. Тогда правительство распорядилось, чтобы позорныя колесницы направлялись черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье въ

*) Курсивомъ всюду выдѣлено нами. В. П.

той надеждѣ, что революціонные рабочіе этого предмѣстья станутъ одобрять казни. Но и рабочіе встрѣчали позорныя колесницы выраженіями отвращенія, которыя относились не къ осужденнымъ, и также закрывали ставни. Они даже не позволяли своимъ любопытнымъ женамъ смотрѣть на казни.

Среди 2750 жертвъ гильотины въ Парижѣ людей состоятельныхъ, вліятельныхъ и высокопоставленныхъ было 650; остальные 2100 человѣкъ — все люди бѣдные. Такимъ образомъ, бѣдные, трудящіеся классы дали значительно бо́льшую часть той крови, которую люди добродѣтели выпустили изъ французскаго народа. *Они не могли понять, зачѣмъ это для отраженія союзныхъ европейскихъ державъ нужно проливать кровь бѣдныхъ безвѣстныхъ рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ, дѣвушекъ, швей и прачекъ.* И когда впослѣдствіи въ трудную минуту агенты Робеспьера явились въ предмѣстья и призывали народъ явиться на помощь этому человѣку добродѣтели, то имъ здѣсь злобно отвѣтили: «*мы умираемъ отъ голода, а вы хотите накормить насъ казнями*»*).

Такъ пишетъ о террорѣ французской революціи и ея «людяхъ добродѣтели», (изъ нихъ же первый Робеспьеръ, нѣмецкій соціалдемократъ, представитель современнаго сознательнаго пролетаріата.

Безсмысленную жестокость этого террора должны признать всѣ вообще безпристрастные историки, каковъ), напр., профессоръ Сарбонны Оларъ, бывшій постоянный сотрудникъ «Justice» газеты крайняго радикала Клемансо.

«Въ общемъ послѣ 22 преріаля» — говоритъ Оларъ — «это было избіеніе виновныхъ и невинныхъ, достойное инквизиціи, *избіеніе, лишенное всякаго оправданія въ глазахъ историка*, такъ какъ успѣхъ національной защиты былъ тогда уже обезпеченъ.»

Мы останавливаемся на характеристикѣ террора французской революціи такъ долго, такъ какъ имѣемъ основаніе думать, что среди русскихъ соціалдемократовъ есть люди, готовые прославлять этотъ періодъ, готовые считать Робеспьера и другихъ «людей добродѣтели» «лучшими образцами революціонныхъ дѣ-

---

*) Курсивъ Блоса.

ятелей всѣхъ временъ», готовые считать «задачей русскаго революціонера подготовлять россійскій народъ къ русскому народному террору», люди, заявляющіе, что они террористы à la Робеспьеръ, что такими только террористами могутъ и должны быть русскіе соціалдемократы.

Мы совсѣмъ иного мнѣнія. По нашему мнѣнію надо стараться спасти народъ отъ террора «людей добродѣтели», по нашему мнѣнію, соціалдемократъ, если и не долженъ, то можетъ быть террористомъ, подобнымъ Карповичу, Балмашеву и Лекерту, но онъ не долженъ и не можетъ быть террористомъ à la Робеспьеръ.

По нашему мнѣнію, къ поступкамъ Балмашева, Лекерта, Карповича и другихъ не слѣдуетъ даже примѣнять слово «терроръ», опозоренное людьми «добродѣтели».

Выстрѣлы Карповичей и Лекертовъ — выраженіе негодованія за нарушеніе всѣхъ человѣческихъ правъ, за попраніе свободы и справедливости, эти выстрѣлы идутъ изъ нѣдръ народа, направляясь въ тирановъ, казни же Робеспьера были сами выраженіемъ попранія свободы и всѣхъ правъ человѣка, онѣ исходятъ отъ правительства и тирановъ, онѣ брали свои жертвы изъ народа.

Между терроромъ французской революціи и современнымъ русскимъ такъ называемымъ «терроромъ» нѣтъ ничего общаго, они противуположны другъ другу.

Правительственный терроръ 1792—95 годовъ былъ прежде всего пріостановкой основныхъ принциповъ 1789 года, былъ *отрицаніемъ началъ закона и свободы.*

По закону 22 преріаля, редактированному Робеспьеромъ и предложенному Кутономъ, у обвиняемыхъ были отняты защитники и были устранены свидѣтельскія показанія, матерьяльныя доказательства были замѣнены нравственнымъ убѣжденіемъ судей. Осужденные приговаривались исключительно къ смертной казни; составъ присяжныхъ произвольно пополнялся фанатическими сторонниками Робеспьера.

И за что только не грозили смертною казнью робеспьеровскіе террористическіе законы!

Современнымъ соціалдемократамъ, провозглашающимъ себя террористами à la Робеспьеръ, надо помнить,

что декретъ конвента 4-го декабря 1792 года угрожаетъ смертной казнью «всякому, кто предложилъ бы аграрный законъ или какой-либо другой способъ ниспроверженія земельной, торговой или промышленной собственности».

Нѣтъ, мы глубоко убѣждены, что пролетарская революція обойдется безъ террора, безъ диктаторовъ, безъ массовыхъ казней...

Пролетарская революція это торжество свободы и гуманности, торжество любви къ ближнему, пролетарская революція — это уничтоженіе всѣхъ формъ насилія человѣка надъ человѣкомъ, это уничтоженіе казней и тюремъ.

Революціонеры-пролетаріи, революціонеры-соціал-демократы не могутъ брать себѣ за образцы буржуазныхъ революціонеровъ, подобныхъ Робеспьеру, который является духовнымъ отцомъ Кавеньяка, Тьера и другихъ палачей пролетаріата.

Не потоками крови, не войнами и казнями уничтожитъ пролетаріатъ современное царство насилія человѣка надъ человѣкомъ, нѣтъ, его средства освобожденія новы, какъ нова его возвышенная исторія, какъ новъ его чудный идеалъ.

Онъ побѣдитъ великой тройственной стачкой: стачкой рабочихъ, стачкой солдатъ, стачкой плательщиковъ налоговъ.

Вопросъ о всеобщей стачкѣ, какъ объ одномъ изъ средствъ освобожденія рабочаго класса, не разъ поднимался на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, но до сихъ поръ не встрѣчалъ опредѣленнаго сочувствія со стороны большинства. На Лондонскомъ международномъ конгрессѣ меньшинство «комиссіи экономическихъ и промышленныхъ дѣйствій» представило докладъ очень сочувственный всеобщей стачкѣ. Докладъ сводился къ слѣдующему предложенію: «Принимая во вниманіе, что на многихъ національныхъ конгрессахъ Франціи: въ Марселѣ (1892), Парижѣ (1893), Нантѣ (1894) и Лиможѣ (1895) организованные рабочіе высказывались въ пользу общей стачки всѣхъ производствъ, какъ средства освобожденія;

что въ Бельгіи, даже неудовлетворительно организованная всеобщая стачка значительно помогла вырвать у буржуазіи право голоса;

что въ Швеціи и Австріи рабочіе, борясь за полученіе того-же права, пользовались тѣмъ-же средствомъ;

что если, апріорно, международная всеобщая стачка и кажется невыполнимой, то по отношенію къ національной всеобщей стачкѣ это можетъ оказаться невѣрнымъ;

и что до настоящаго времени, вопросъ о всеобщей стачкѣ недостаточно изслѣдованъ во всѣхъ странахъ;

конгрессъ предлагаетъ рабочимъ всѣхъ національностей, а въ частности синдикатамъ, изслѣдовать столь важный вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ на слѣдующемъ международномъ конгрессѣ».

Предложеніе это было отвергнуто огромнымъ большинствомъ, которое признало, что, «хотя стачка и бойкотъ являются необходимыми средствами для осуществленія задачъ рабочаго класса, но при дѣйствующихъ условіяхъ международная всеобщая стачка не представляется возможной».

Парижскій конгрессъ 1900 года лишь подтвердилъ мнѣніе большинства лондонскаго конгресса. Надо надѣяться, что предстоящій въ 1904-мъ году амстердамскій конгрессъ отнесется къ вопросу о всеобщей стачкѣ нѣсколько иначе.

Не слѣдуетъ запугивать себя невозможностью международной стачки всѣхъ рабочихъ всѣхъ производствъ. Это—идеалъ и, какъ всякій идеалъ, онъ во всей своей полнотѣ неосуществимъ. Надо исходить изъ фактовъ, изъ происходящихъ уже въ настоящее время «всеобщихъ стачекъ», которыя неизбѣжно должны принять международный характеръ, и нельзя, какъ это не разъ высказывалось на международныхъ конгрессахъ, отклонять вопросъ о «всеобщихъ стачкахъ» указаніями на недостаточную организованность рабочихъ. Конечно, для успѣшныхъ всеобщихъ стачекъ необходима организованность рабочаго класса, но сама эта организованность развивается скорѣе всего «всеобщими стачками».

Во всякомъ случаѣ развитіе капиталистическаго строя съ его милитаризмомъ, съ его усовершенствованными орудіями человѣкоубійства, скорострѣльными ружьями и пушками, по мнѣнію цѣлаго ряда видныхъ соціалдемократическихъ вожаковъ, убиваетъ возможность уличныхъ революцій, но тоже развитіе, отдавая

въ руки организованныхъ рабочихъ распоряженіе всѣми удобствами даже домашней жизни каждаго буржуа, дѣлаетъ, прибавимъ мы отъ себя, всеобщую стачку все болѣе и болѣе дѣйствительнымъ и могучимъ орудіемъ въ рукахъ пролетаріата *).

Въ рукахъ рабочихъ все болѣе и болѣе сосредоточиваются нити передвиженія (желѣзныя дороги, электрическіе трамваи и т. д.), сообщенія по телеграфу и телефону, освѣщенія улицъ и квартиръ (электричество), снабженіе водой (водопроводъ), снабженіе газомъ для кухни и пр.

Забастовка электротехниковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, телеграфистовъ и телефонистовъ, водопроводчиковъ и газовщиковъ, пекарей, извощиковъ, и т. д., можно сказать, прекращаетъ буржуазную жизнь, останавливаетъ возможность пользованія тѣми удобствами, безъ которыхъ буржуа не можетъ обойтись и долженъ «сдаться».

Въ извѣстной драмѣ Бьернсона «Свыше нашихъ силъ» изображается, какъ рабочіе, страданія которыхъ превысили ихъ терпѣніе, взрываютъ собраніе издѣвающихся надъ ними капиталистовъ. Въ дѣйствительной борьбѣ пролетаріата съ капиталистами такихъ взрывовъ не было и не будетъ, но въ ней, навѣрное, будутъ и до нѣкоторой степени уже были случаи, когда улицы и дома погрузятся въ мракъ, когда все движеніе въ дорогахъ и между городами остановится, когда капиталисты напрасно будутъ ждать привычныхъ телефонныхъ звонковъ, когда имъ придется оставаться безъ обѣда, такъ какъ притокъ газа, на которомъ въ Европѣ готовятъ и въ ресторанахъ и частныхъ домахъ будетъ остановленъ.

Рабочему привычно оставаться безъ обѣда, но для буржуа остаться безъ обѣда — это почти смертельный ударъ!

---

*) Характерно, что конгрессъ «соціалистической партіи Франціи», состоявшійся этою осенью въ Комментри, принялъ постановленіе, сочувственное «всеобщей стачкѣ». «Соціалистическая партія Франціи» состоитъ изъ бланкистовъ и гедистовъ (марксистовъ).

Въ 1894-мъ году гедисты ушли съ нантскаго конгресса, отказавшись включить всеобщую стачку въ средства дѣйствія соціалистической партіи. Всеобщестачечное теченіе среди пролетаріата заставило ихъ теперь измѣнить свой взглядъ.

Чѣмъ чаще будутъ повторяться подобные случаи, тѣмъ больше будутъ рабочіе сознавать свою силу, сознавать, что ими движется вся жизнь, тѣмъ скорѣе совершится окончательный переворотъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ «всеобщихъ стачекъ» будетъ развиваться и отказъ солдатъ выходить противъ своихъ братьевъ-рабочихъ. Въ этомъ отношеніи открытый отказъ 17 женевскихъ ополченцевъ явиться для усмиренія стачечниковъ чрезвычайно знаменателенъ. Изъ этихъ семнадцати — 15 даже на судѣ не пожелали выразить никакого сожалѣнія. Въ 1898 году при подобныхъ же условіяхъ открыто отказался отъ явки къ выполненію своей «воинской обязанности» одинъ только Сиггъ, нынѣ не явилось въ общемъ около 400 человѣкъ, и 17 изъ нихъ въ томъ числѣ снова Сиггъ, открыто заявили о своихъ убѣжденіяхъ, не позволяющихъ имъ итти противъ «внутреннихъ враговъ» буржуазіи.

Военный судъ всѣхъ ихъ осудилъ, приговоривъ къ годовому лишенію политическихъ правъ и тюремному заключенію на разные сроки до 4-хъ мѣсяцевъ; но это лишь усилило ихъ популярность, сдѣлало ихъ настоящими героями дня и принесло огромную пользу антимилитаристической, антивоенной проповѣди.

Приведемъ изъ женевской газеты «Peuple» краткія характеристики пятнадцати, твердо оставшихся вѣрными своимъ убѣжденіямъ.

1. *Виссъ, Карлъ.* Столяръ, солдатъ 10-го баталіона, женевецъ.

Отказался итти по требованію совѣсти. «Стачка была мирной. Рабочихъ возбудилъ лишь призывъ войскъ. Я — рабочій, моя совѣсть противится тому, чтобы итти противъ братьевъ». Въ частной жизни — говоритъ обвиненіе — поведеніе Висса было хорошее, онъ хорошій отецъ семейства. До октября онъ правильно выполнялъ свои военныя обязанности.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы. Годъ лишенія политическихъ правъ.

2. *Излеръ, Эдуардъ,* 29 лѣтъ, счетоводъ, изъ Цюриха, солдатъ 10-го баталіона.

Отказался итти, такъ какъ это противорѣчитъ его убѣжденіямъ. До сихъ поръ всегда несъ воинскую

повинность. Не былъ ни разу наказанъ. Превосходный отецъ семейства, хорошій служащій.

Приговоръ: 7 недѣль тюрьмы, годъ лишенія политическихъ правъ.

3. *Бернаръ, Луи* 24 лѣтъ, ремесленникъ, нейшателецъ, солдатъ 10 баталіона.

Явился на первый призывъ, на второй отказался. Среди стачечниковъ былъ его родной братъ. Былъ избитъ солдатами въ толпѣ.

Приговоръ: 1 мѣсяцъ тюрьмы, 10 мѣсяцевъ лишенія политическихъ правъ.

4. *Цаугъ, Эдуардъ.* 23 лѣтъ, служащій въ типографіи, изъ Берна, холостой, капралъ 13-й «элиты».

Не чувствовалъ себя свободнымъ итти противъ стачки. Если бы было возстаніе анархистовъ, пошелъ-бы.

Приговоръ: 3 мѣсяца тюрьмы, разжалованіе въ рядовые, годъ лишенія политическихъ правъ.

5. *Бланшаръ, Карлъ,* 22 лѣтъ, изъ кантона Водъ, солдатъ 13 баталіона.

Честный и работящій рабочій, принадлежитъ къ синдикату, принявшему участіе въ стачкѣ. Совѣсть не позволила ему послѣдовать приказу властей. Онъ полагалъ, что нарушитъ свой долгъ, налагаемый духомъ солидарности, если подниметъ оружіе противъ стачечниковъ.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы; 1 годъ лишенія политическихъ правъ.

6. *Флери, Карлъ,* 20 лѣтъ, печатникъ, женевецъ, солдатъ 13 баталіона.

Предпочелъ повиноваться своимъ убѣжденіямъ, чтобы избѣжать возможности стрѣлять въ своихъ товарищей. Честный и работящій рабочій.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы, 1 годъ лишенія лилитическихъ правъ.

7. *Нигли, Альфредъ,* 31 года, изъ Арго, служащій на электрическомъ трамваѣ, капралъ 13 баталіона.

Чувствовалъ, что былъ бы неправъ, если бы подрялъ оружіе противъ своихъ товарищей. По свидѣтельству обвинительной власти честный человѣкъ, хорошій мужъ, хорошій отецъ семейства.

Приговоръ: 9 недѣль тюрьмы, разжалованіе въ рядовые, годъ лишенія политическихъ правъ.

8. *Метралье, Вильгельмъ,* 23 лѣтъ, изъ кантона Водъ, солдатъ 13 баталіона.

Не явился на призывъ, такъ какъ ему этого не позволяла совѣсть. «Я обвиняюсь въ дезертирствѣ»— сказалъ онъ. — «Вотъ очень грубое слово для факта очень тонкаго».

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы, 1 годъ лишенія политическихъ правъ.

9. *Годенъ, Фридрихъ,* 27 лѣтъ, рабочій въ цѣпочной мастерской, изъ кантона Водъ, отецъ 2-хъ дѣтей, солдатъ 13 баталіона. Его отецъ былъ среди трамвайныхъ стачечниковъ.

На вопросъ главнаго судьи: «Почему онъ не явился на призывъ?» Годенъ просто отвѣтилъ: «Я не иду противъ своихъ братьевъ по нищетѣ. Мой отецъ просилъ хлѣба, а не свинца».

На вопросъ, пошелъ ли бы онъ на границу противъ врага отечества онъ отвѣтилъ: «Я не хочу отвѣчать. Пусть раньше мнѣ отвѣтятъ, будутъ ли мои дѣти имѣть завтра хлѣбъ?»

Приговоръ: 7 недѣль тюрьмы. Годъ лишенія политическихъ правъ.

10. *Роша, Францискъ,* капралъ 2 баталіона, 27 лѣтъ, работающій въ типографіи, изъ кантона Водъ, холостой.

Защитникъ, соціалистъ Бейлеръ, произноситъ блестящую рѣчь. «Роша не явился на призывъ властей, потому что хотѣлъ итти рука въ руку съ своими товарищами. Его совѣсть не позволила ему итти противъ стачечниковъ. Смѣлость, искренность и стойкая увѣренность въ своей правотѣ, выказанная Роша, заслуживаютъ не осужденія, а поздравленія». Защитникъ напоминаетъ исторію женевскихъ аристократовъ, которые во время войны Зондербунда перешли границу, чтобы не итти противъ врага швейцарской свободы; они оставили только своихъ лакеевъ, и по окончаніи войны могли спокойно вернуться въ свои роскошные дома; теперь же осуждаютъ, теперь наказываютъ бѣдныхъ рабочихъ, отцовъ семей, честныхъ и работящихъ за то, что они имѣли отвагу поступить согласно съ своими убѣжденіями.

Приговоръ: 20 дней тюрьмы, разжалованіе.

11. *Декрезъ, Эдмундъ,* 25 лѣтъ, изъ Нейшателя, механикъ, холостой, капралъ 2 баталіона.

Обвиненіе называетъ его честнымъ малымъ, хорошимъ сыномъ, добросовѣстнымъ работникомъ.

Приговоръ: 20 дней тюрьмы, разжалованье.

12. *Рену, Рафаилъ,* женевецъ, шляпочникъ, карабинеръ 2 баталіона.

Онъ не явился на призывъ, потому что былъ сторонникомъ стачки, потому что солдаты принуждены столкнуться съ его братьями по несчастью.

Приговоръ: 20 дней тюрьмы и судебныя издержки.

13. *Купферъ, Августъ,* женевецъ, рабочій въ цѣпочной мастерской, солдатъ 105 баталіона.

«Никогда не пойду противъ стачечниковъ, моихъ согражданъ!»

Приговоръ: 6 недѣль тюрьмы, годъ лишенія политическихъ правъ, судебныя издержки.

14. *Сиггъ, Жанъ,* депутатъ кантональнаго собранія, рабочій секретарь, стрѣлокъ 105 баталіона, изъ Шафхаузена, 37 лѣтъ, отецъ 3-хъ дѣтей.

Выясняетъ, что какъ въ 1898 году, такъ и теперь онъ повиновался своей совѣсти. Войско было на службѣ у капитала и противъ стачечниковъ. Обязанности рабочаго секретаря заставляли его быть среди стачечниковъ.

Въ случаѣ нападенія враговъ на швейцарскую территорію, Сиггъ пошелъ бы на войну, но со смертью въ душѣ, думая, что, можетъ быть, онъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ рабочими другой страны, которые такъ часто являлись жертвами притязаній немногихъ. Во время стачки онъ исполнялъ лишь свою обязанность; онъ пытался успокоить обѣ стороны, самымъ рѣшительнымъ образомъ принимая въ разсчетъ интересы рабочихъ.

Приговоръ: 4 мѣсяца тюрьмы, годъ лишенія политическихъ правъ, судебныя издержки.

16. *Херни, Альбертъ,* изъ Берна, столяръ, канонеръ.

Не явился, повинуясь своей совѣсти. Не хотѣлъ поднять оружіе противъ товарищей.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы, годъ лишенія политическихъ правъ.

Да раздастся вамъ братскій привѣтъ, смѣлые пролетаріи маленькой республики, вамъ, истинно свободные граждане съ чистою пролетарскою совѣстью да раздастся вамъ привѣтъ отъ рабочихъ обширной русской имперіи, отъ рабочихъ, которымъ вѣрность своимъ убѣжденіямъ нерѣдко приходится запечатлѣть не только лишеніями и страданіями, но и самою смертью!..

Стачка солдатъ почти необходима для успѣха всеобщей стачки рабочихъ; стачка плательщиковъ налоговъ не является необходимостью, но и она все же можетъ имѣть большое значеніе въ борьбѣ рабочаго класса за свое освобожденіе.

Мы не думаемъ, конечно, что стачка плательщиковъ могла бы непосредственно пошатнуть финансы современныхъ государствъ, бюджетъ которыхъ въ значительной степени опирается на косвенные налоги и государственныя монополіи, мы разсматриваемъ стачку плательщиковъ, лишь какъ могучую манифестацію противъ классового правительства, манифестацію, въ корнѣ *подрывающую его авторитетъ*.

Стачка плательщиковъ налоговъ, по крайней мѣрѣ, *въ своей возможности* является необходимымъ условіемъ парламентской борьбы. Знаменитый конфликтъ между «прогрессистскимъ» большинствомъ прусскаго ландтага и прусскимъ правительствомъ имѣлъ такъ мало значенія, окончился такъ печально для «прогрессистовъ», главнымъ образомъ потому, что «прогрессисты» не хотѣли или не могли подкрѣпить свою парламентскую борьбу массовымъ отказомъ отъ уплаты налоговъ.

Мы, конечно, признаемъ важность парламентской борьбы представителей рабочаго класса, но исключительно этою борьбою, при существованіи даже всеобщаго избирательнаго права, пролетаріатъ, не можетъ достигнуть не только своей конечной цѣли. но и сколько нибудь существеннаго улучшенія своего настоящаго положенія.

Нѣмецкимъ соціалдемократамъ, слишкомъ опьяненнымъ своими избирательными успѣхами, придется скоро подумать о перенесеніи центра тяжести борьбы изъ рейхстага, изъ народнаго представительства непосредственно въ народныя массы и серьезно взвѣсить

вопросъ о всеобщей стачкѣ и объ отказѣ отъ уплаты налоговъ.

Ихъ обструкціонная парламентская борьба съ ростовщическимъ тарифомъ, затрагивающимъ самымъ жестокимъ образомъ насущнѣйшіе интересы пролетаріата борьбу, на которую они положили массу энергіи, потерпѣло полное фіаско.

Слѣдя за этой борьбой, читая безконечныя рѣчи соціалдемократическихъ депутатовъ, читая ихъ пламенныя, но тщетные протесты противъ парламентскаго насилія большинства, невольно вспоминаешь извѣстную рѣчь В. Либкнехта «О политическомъ положеніи соціалдемократіи», произнесенную имъ 31 мая 1869 г.

Въ этой рѣчи, какъ ни какъ, а много правды.

,, « Прекрасныя », « сильныя » оппозиціонныя рѣчи прусской прогрессистской партіи '' — говорилъ между прочимъ Либкнехтъ — « создали почву для крови и желѣза, — *онѣ были похоронными рѣчами для самой прогрессистской партіи. Прогрессистская партія въ собственномъ значеніи слова заговорила себя до смерти.*»

Соціалдемократія, конечно, не въ состояніи заговорить себя до смерти, ибо за ней стоитъ пролетаріатъ, полный силъ и жизни, но « прекрасныхъ » и « сильныхъ » оппозиціонныхъ рѣчей въ настоящее время мало, слишкомъ мало.

« Я не хочу утверждать » — говоритъ въ той же рѣчи Либкнехтъ — « что парламентскую борьбу всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ отвергать. Въ періодъ хроническаго разслабленія, когда кровь лѣниво, тинообразно ползетъ въ политическомъ тѣлѣ, когда придавленный народный духъ на цѣлыя десятилѣтія впередъ не видитъ никакого спасенія, въ такіе періоды можетъ быть полезно въ какомъ - нибудь парламентѣ поддерживать въ маленькой лампадкѣ свободы огонекъ, бросающій свои свѣтлые лучи въ окружающую ночь.

И когда народъ, когда « рабочіе батальоны » въ полномъ вооруженіи стоятъ у дверей парламента, и тогда слово, брошенное съ трибуны, быть можетъ дастъ, подобно электрической искрѣ, сигналъ къ освободительному дѣлу.

Но мы находимся теперь, благодаренье Богу, *уже*

болѣе не въ періодѣ хронической опущенности — и *къ сожалѣнію еще не* наканунѣ дѣянія, потокомъ вырывающагося изъ народныхъ нѣдръ.»

Это говорилось въ 1869 году. А нынѣ? Несомнѣнно германскій народъ не находится нынѣ въ періодѣ хронической опущенности, и, если онъ стоитъ наканунѣ «освободительнаго дѣянія», то ночь, отдаляющую этотъ канунъ отъ дня освобожденія, будетъ все же достаточно длинна, чтобы искры, брошенныя съ парламентской трибуны, успѣли окончательно потухнуть.

Вопросъ: «что дѣлать?» подымается теперь передъ нѣмецкой соціалдемократіей во всей своей серьезности, во всей своей неотложности. Отвѣтъ на него, какъ всегда, дастъ самъ пролетаріатъ, въ рѣшительную минуту не отступающій ни передъ какими жертвами. Вступленіе нѣмецкой соціалдемократіи на путь «всеобщей стачки» было бы огромнымъ шагомъ впередъ для всего рабочаго класса.

Голландская всеобщая стачка 1903 года.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Брюссельскій международный соціалистическій конгрессъ занимался вопросомъ о милитаризмѣ, въ частности о положеніи международнаго пролетаріата въ случаѣ европейской войны.

Коммиссія, выбранная для предварительнаго обсужденія этого вопроса, предложила резолюцію, въ которой милитаризмъ разсматривался, какъ неизбѣжное слѣдствіе современнаго строя и борьбы классовъ, резолюцію, въ которой утверждалось, что только соціалистическій строй положитъ конецъ милитаризму и утвердитъ окончательный миръ, и въ которой, наконецъ, объявлялось, что «во всякомъ случаѣ конгрессъ передъ исторіей и человѣчествомъ слагаетъ на правящіе классы отвѣтственность за то, что можетъ произойти».

Докладчиками выступили Вальянъ и Либкнехтъ; послѣдній заявилъ, между прочимъ, «что близится война,

передъ которой франкопрусская война 1870 года была дѣтскою игрой».

Вальянъ и Либкнехтъ, поддерживаемые предсѣдателемъ конгресса, румыномъ Миллемъ, просили принять резолюцію единогласно, безъ преній, par acclamation. Вопросъ о закрытіи преній поспѣшно пускается на голосованіе. Но противъ этого раздаются протесты. Предсѣдатель не обращаетъ на нихъ вниманія, но они все усиливаются... Нѣсколько делегатовъ встаютъ съ своихъ мѣстъ и въ возбужденіи что-то говорятъ на разныхъ языкахъ. На трибуну подымается предводитель голландскаго рабочаго движенія, *бывшій* пасторъ Домела Ньювенгуисъ, онъ держитъ въ поднятой кверху рукѣ контръ-резолюцію голландской делегаціи. Онъ требуетъ, чтобы резолюція была прочтена до голосованія вопроса о закрытіи преній. Предсѣдатель не соглашается. Волненіе усиливается. Раздаются крики о партійности, о насиліи большинства. Вандервельдъ совѣтуетъ предсѣдателю прочитать резолюцію. Тотъ нехотя соглашается и читаетъ небрежно, какъ бы показывая, что такой вздоръ и читать не стоитъ. Резолюція кратка; суть ея въ послѣднемъ предложеніи; «Брюссельскій международный соціалистическій конгрессъ объявляетъ, что соціалисты всѣхъ странъ на объявленіе войны отвѣтятъ провозглашеніемъ *всеобщей стачки* рабочихъ и солдатъ». Минута молчанія, — и взрывъ рукоплесканій. Закрытіе преній отвергнуто. Первое слово принадлежитъ Домелѣ Ньювенгуису. Все смолкаетъ. Домела говоритъ по-французски, говоритъ тихо, раздѣльно, ровнымъ голосомъ. Рѣчь его производитъ сильное впечатлѣніе и часто прерываетя апплодисментами; многіе въ волненіи встаютъ со своихъ мѣстъ. Какой-то итальянецъ съ блѣднымъ лицомъ и черными, какъ уголь, глазами лихорадочно дрожитъ, нервно постукивая ногой.

— Есть легкій способъ — говоритъ Домела — добиться единогласнаго рѣшенія въ какомъ-нибудь собраніи: для этого стоитъ только представить предложеніе, составленное въ столь общихъ фразахъ, что они не обозначаютъ ничего; стоитъ написать фразы и не вложить въ нихъ содержанія. Такъ именно въ этотъ разъ поступила комиссія. Самъ папа подписался бы подъ ея предложеніемъ, если бы слово соціализмъ за-

мѣнить словомъ христіанство. Заключительная фраза говоритъ, что рабочій классъ передъ исторіей и человѣчествомъ слагаетъ отвѣтственность за войну на правящіе классы. Тѣ въ свою очередь слагаютъ ее на насъ. Не выходитъ ли это похоже на двухъ поссорившихся дѣтей, обвиняющихъ другъ друга? Не будемъ давать повода смѣяться на нашъ счетъ. Выяснимъ себѣ дѣйствительность, какова бы она ни была. Я всегда говорю правду въ глаза: скажу ее и сегодня. Не всѣ соціалисты, не всѣ здѣсь сидящіе и въ особенности не всѣ нѣмецкіе соціалдемократы чужды шовинизма, не всѣ они полны чувства международной любви. Мнѣ это тѣмъ тяжелѣе сказать, что нѣмецкихъ соціалдемократовъ я и уважаю, и люблю; но я долженъ это сказать, потому что этотъ шовинизмъ — великая опасность для партіи. Мало говорить о чувствѣ международной любви, — надо показать его; мало ненавидѣть войну, — надо воспротивиться ей. Мы объявили борьбу классовъ; скажемъ же теперь откровенно, что войнѣ между націями мы предпочитаемъ войну гражданскую, войну между пролетаріатомъ и буржуазіей. Народы не хотятъ войны и, объявляя ее, правительство совершаетъ революціонный актъ, и мы тогда имѣемъ право, — скажу больше, тогда наша обязанность отвѣтить международной революціей, международной стачкой рабочихъ и солдатъ».

Домела разъясняетъ далѣе революціонное значеніе всеобщей стачки и вообще великаго массового пассивнаго сопротивленія. Онъ разсказываетъ о небольшой голландской сектѣ, членовъ которой даже «маленькій капралъ» Наполеонъ I, державшій въ рукахъ всю Европу, не могъ заставить вступить въ свою армію. «Когда имъ давали ружья, они бросали ихъ на землю». «Мы должны открыто заявить, что пролетарій не подниметъ оружія противъ пролетарія.»

Когда Домела кончилъ, со скамеекъ нѣмцевъ послышалось шиканье, но остальная зала разразилась неистовыми аплодисментами. Еслибы резолюціи голосовались немедленно, то очень возможно, что прошла бы резолюція Домелы Ньювенгуиса.

Но засѣданіе было прервано для обѣда, а послѣ перерыва противъ Домелы выступилъ Вальянъ и Либкнехтъ. Рѣчь Вальяна была слаба: онъ какъ-будто

самъ отчасти соглашался съ Домелой. Зато Либкнехтъ выступилъ разсерженнымъ львомъ. Лицо его покрылось краской, жесты сдѣлались рѣзче, голосъ громче и звучнѣе. Съ внѣшней стороны рѣчь была очень сильна и произвела громадное впечатлѣніе. Либкнехтъ ярко обрисовалъ заслуги нѣмецкой соціалдемократіи и безпощадно осыпалъ Домелу массою упрековъ, обвиняя его во лжи и не преминулъ кольнуть бывшимъ пасторствомъ. Онъ закончилъ свою страстную рѣчь предложеніемъ единогласно вотировать резолюцію коммиссіи; «*абсурдную же и смѣшную резолюцію Домелы предать всеобщему посмѣянію.*»

Среди грома рукоплесканій «опомнившихся» делегатовъ раздалось нѣсколько рѣзкихъ протестовъ противъ личныхъ нападокъ на Домела Ньювенгуиса, допущенныхъ Либкнехтомъ. Особенно горячился делегатъ англійскихъ матросовъ съ простоватымъ открытымъ лицомъ. Онъ что-то кричалъ, сжималъ кулаки, рвался впередъ; его не пропускали, предсѣдатель звонилъ, раздавались крики: «à la porte!» «Heraus!»

Шумъ тотчасъ стихъ, когда среди залы поднялся и всталъ на столъ Домела. Какъ теперь вижу его блѣдное лицо съ длинными сѣдыми волосами, откинутыми назадъ; какъ теперь, слышу его голосъ, дрожащій слезами обиды .

Онъ произнесъ только нѣсколько словъ о томъ, что личныя нападки недостойны такого человѣка, какъ Либкнехтъ, и ниже его, Домелы, достоинства отвѣчать на нихъ.

Резолюція Либкнехта и Вальяна была принята всѣми партіями, за исключеніемъ голландцевъ, отъ голосованія воздержавшихся. Домела вышелъ изъ залы, окруженный своими «учениками» — голландскими рабочими съ изможженными, выразительными лицами. Мнѣ пришлось потомъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Сидя въ одной изъ брюссельскихъ народныхъ харчевень, мы разговаривали о предстоящей соціальной революціи. Отчасти на ломанномъ нѣмецкомъ, отчасти на ломанномъ французскомъ языкѣ, отчасти выразительными жестами старались они убѣдить меня, что не парламентской борьбой, не открытыми возстаніями и баррикадами, а всеобщей стачкой

—пролетаріатъ добьется въ концѣ концовъ своего освобожденія

Все это вспомнилось мнѣ теперь, въ ту минуту, когда надъ Голландіей прогремѣлъ рѣзкій, отрывистый ударъ всеобщей стачки, сразу пріостановившій движеніе во всей странѣ, всеобщей стачки, которая больше сдѣлала для организаціи и развитія классового сознанія голландскаго пролетаріата, чѣмъ цѣлые годы парламентской борьбы.

Все это вспомнилось мнѣ, когда я прочелъ, что 4 марта 1903 года на массовомъ амстердамскомъ митингѣ *соціалдемократъ* Гортеръ при единодушныхъ рукоплесканіяхъ шеститысячнаго собранія соціалдемократовъ и свободныхъ соціалистовъ или анархистовъ счелъ себя обязаннымъ «отдать почетный поклонъ» человѣку, который 25 лѣтъ тому назадъ, сбросивъ пасторскую одежду, первый поднялъ въ Голландіи красное знамя. Человѣкъ этотъ *анархистъ* Домела Ньювенгуисъ, непреклонный сторонникъ всеобщей стачки рабочихъ и солдатъ.

Голландская «всеобщая» стачка 1903 года стоитъ въ связи со стачкой амстердамскихъ портовыхъ и торговыхъ рабочихъ 1900 года. Эта стачка была рабочими выиграна, и съ большими транспортными обществами Амстердама было заключено соглашеніе съ установленіемъ минимальной заработной платы. Это соглашеніе въ январѣ 1903 года однимъ изъ транспортныхъ обществъ было нарушено, вслѣдствіе чего вновь вспыхнула стачка портовыхъ рабочихъ. Суда стояли не разгруженными. Но фирмѣ Миллера и К⁰ удалось найти «штрейкбрехеровъ» (нарушителей стачки) и при помощи ихъ разгрузить одинъ изъ пароходовъ. Разгруженные товары должны были нагрузить въ вагоны желѣзнодорожные рабочіе, но они, состоя въ федеративномъ союзѣ съ организаціей портовыхъ рабочихъ, отказались нагружать, и вообще всѣ товары данной фирмы были объявлены «мертвыми»; ни одинъ рабочій не долженъ былъ касаться до нихъ.

Надо замѣтить, что голландскіе желѣзнодорожные рабочіе и служащіе сорганизованы въ два союза «Категорный» и «Нидерландскій». Руководители перваго состоятъ изъ анархистовъ или чистыхъ соціалистовъ, руководители второго, главнымъ образомъ, соціалде-

мократы. На этотъ разъ оба союза дѣйствовали совершенно единодушно. По иниціативѣ членовъ «категорнаго союза», къ которому примыкаютъ всѣ машинисты и кочегары, было рѣшено начать общую желѣзнодорожную стачку, если желѣзнодорожная администрація потребуетъ транспорта «мертвыхъ» товаровъ. И, когда два желѣзнодорожныхъ рабочихъ, отказавшихся нагружать эти товары были уволены, немедленно по сигналу вождей желѣзнодорожное движеніе въ Амстердамѣ было пріостановлено.

Желѣзнодорожной дирекціи былъ данъ короткій срокъ взять обратно требованіе о нагрузкѣ и транспортѣ товаровъ бойкотированной фирмы. Срокъ прошелъ, дирекція не взяла обратно распоряженія, и 31 января, черезъ часъ послѣ провозглашенія общей стачки, желѣзнодорожное движеніе какъ на частныхъ, такъ и на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ остановилось во всей странѣ. Стачка была стачкой солидарности, къ ней примкнуло много рабочихъ организацій не только транспортныхъ, каковы, напр., ломовые извощики, но и совершенно другихъ профессій. Особенно испугала буржуазію угроза стачкой со стороны всѣхъ городскихъ рабочихъ Амстердама (водопроводныхъ, газовыхъ и т. д.) Ударъ былъ нанесенъ быстро и смѣло. Правительство и частныя общества поспѣшили уступить. Не прошло и сутокъ, какъ федерація желѣнодорожныхъ служащихъ получила извѣщеніе, что всѣ ихъ требованія будутъ исполнены, что обязательство нагружать и транспортировать бойкотированные товары берется назадъ и что въ бойкотированной гавани работы прекращаются съ сохраненіемъ платы рабочимъ.

Вслѣдъ за тѣмъ бойкотированная фирма Миллеръ и К⁰ уволила всѣхъ «штрейкбрехеровъ и пригласила обратно всѣхъ старыхъ организованныхъ рабочихъ.

Побѣда была полная, и по сигналу вождей снова загудѣли локомотивы и пароходы, снова закипѣла работа въ гаваняхъ и на станціяхъ. «Все пошло по старому»—пишетъ голландскій соціалдемократъ Трëльстра—«но въ общественныхъ отношеніяхъ появилась трещина: классовая борьба, которая въ этой мелкобуржуазной странѣ была прикрыта богословскимъ и и идеологическимъ туманомъ, показала свою голову Медузы, и всѣ филистры стоятъ окаменѣлыми.»

Окаменѣніе смѣнилось взрывомъ ненависти. Правительство, которое всегда вѣрный лакей капиталистовъ, поспѣшило мобилизировать всю армію и подъ ея охраною внести въ парламентъ рядъ драконовскихъ законовъ противъ рабочихъ организацій, противъ свободы стачекъ. Французская буржуазія не почувствовала значенія стачки углекоповъ; «значеніе» же стачки желѣзнодорожныхъ служащихъ не могло укрыться отъ голландскихъ буржуа, — оно слишкомъ явно и чувствительно. Для богословскаго и идеологическаго тумана нѣтъ больше мѣста.

Законы, внесенные въ палату правительствомъ, направлены прежде всего противъ коалиціонной свободы желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, которымъ забастовка съ цѣлью произвести пріостановку желѣзнодорожнаго движенія запрещается подъ страхомъ шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія; въ случаѣ «заговора двухъ или нѣсколькихъ лицъ» для устройства подобной стачки виновные приговариваются къ четыремъ или даже шести годамъ тюремнаго заключенія.

Кромѣ того учреждается особая *военная* желѣзнодорожная бригада для выполненія желѣзнодорожной службы во время стачекъ.

Для всѣхъ вообще стачечниковъ предозначается законъ, грозящій тюремнымъ заключеніемъ до 6 мѣсяцевъ за устрашеніе и безпокойство, причиняемое «штрейкбрехерамъ» (нарушителямъ стачки).

У всѣхъ, осужденныхъ за стачечныя преступленія, по усмотрѣнію судьи, можетъ быть отнято активное и пассивное избирательное право.

Эти законы значительно превосходятъ по своему буржуазному безстыдству даже знаменитый «каторжный законопроектъ», который не удалось провести императору Вильгельму II.

Страшное негодованіе охватило все рабочее населеніе Голландіи.

Образовался «комитетъ самообороны» для устройства новой всеобщей стачки на этотъ разъ въ защиту стачечной свободы.

Страна раздѣлилась на двѣ націи, собирающія всѣ свои силы для открытой войны между собой.

Правительство мобилизировало всю армію и стало

выжидать удобнаго момента для объявленія войны врагу—пролетаріату. Буржуазный главнокомандующій министръ-президентъ Кюиперъ дѣйствовалъ очень ловко, умѣло скрывая свои планы и прекрасно устроивъ «развѣдочную» шпіонскую службу. Лучшимъ его союзникомъ явились либералы, съумѣвшіе успокоить многихъ изъ рабочихъ увѣреніемъ, что въ случаѣ сохраненія порядка законопроекты ни въ коемъ случаѣ не пройдутъ, что, вѣроятно, даже само правительство возьметъ ихъ обратно.

Въ надеждѣ на либераловъ социалдемократическіе вожди начали тоже горячо отстаивать порядокъ и законность, совѣтуя отложить всеобщую стачку. Анархисты настаивали на немедленномъ же объявленіи стачки, на необходимости воспользоваться боевымъ воодушевленіемъ массъ, но верхъ одержало мнѣніе законниковъ. Кюиперъ сдѣлалъ видъ, что законопроекты, дѣйствительно будутъ взяты обратно и сталъ затягивать ихъ обсужденіе, не переставая однако усиливать гарнизоны въ Амстердамѣ и другихъ крупныхъ городахъ.

Между тѣмъ воодушевленіе массъ стало понижаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспыхнула старая вражда между социалдемократами и анархистами. Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, и вдругъ въ моментъ, когда, казалось, опасность для коалиціонной свободы рабочихъ миновала, Кюиперъ требуетъ немедленнаго принятія своихъ драконовскихъ законовъ безъ всякихъ смягченій, и это требованіе встрѣчаетъ поддержку не только среди консерваторовъ, но и либераловъ.

Рабочій «комитетъ самообороны» отвѣчаетъ провозглашеніемъ «всеобщей стачки», но время уже упущено, «разногласія» сдѣлали свое дѣло, боевое настроеніе въ теченіе двухмѣсячнаго ожиданія сильно ослабѣло, и стачка разливается по странѣ съ нѣкоторой нерѣшительностью, только отчасти, а не вполнѣ пріостанавливая передвиженіе и промышленность.

Правительство дѣйствуетъ энергично и вокругъ него сплоченно стоитъ *вся* буржуазія. Драконовскіе законы почти безъ преній принимаются второй палатой, затѣмъ первой и въ «великую пятницу» утверждаются королевой.

Социалдемократическіе вожди растерялись и, опа-

саясь, какъ бы рабочіе не вышли изъ рамокъ «законности», употребили все свое вліяніе, чтобы прекратить «всеобщую стачку». Анархисты протестовали и требовали продолженія стачки, но мнѣніе умѣренныхъ снова побѣдило, и стачка прекратилась подъ торжествующіе крики буржуазіи, подъ ропотъ пролетаріата, часть котораго возмущена нерѣшительностью и робостью своихъ вождей. Произошло нѣчто сходное съ бельгійской стачкой. Вожди оказались ниже массы. Они, подобно бельгійскимъ вождямъ, будутъ, вѣроятно, оправдываться опасностью, грозившею голландскому пролетаріату со стороны «желѣзныхъ легіоновъ» германскаго императора. И ихъ оправданіе имѣетъ свое основаніе.

По достовѣрнымъ слухамъ императоръ Вильгельмъ II зорко слѣдилъ за происходящимъ въ Голландіи и готовился въ нужную минуту явиться туда «самъ» для возстановленія порядка. Говорятъ, что именно подъ давленіемъ германскаго правительства министерство Кюйпера такъ энергично воевало съ голландскимъ пролетаріатомъ. И во время бельгійской всеобщей стачки носились слухи о готовящемся вмѣшательствѣ германскаго правительства.

Во всякомъ случаѣ бельгійская и голландская буржуазія имѣетъ пока больше основаній расчитывать на вмѣшательство императора Вильгельма II, чѣмъ бельгійскій и голландскій пролетаріатъ на дѣятельную и активную помощь нѣмецкой соціалдемократіи, безпрестанно гордо заявляющей, что она самая сильная политическая партія Германіи.

Въ своей рѣчи «къ нѣмецкому народу», произнесенной 22 февраля 1903 года въ германскомъ рейхстагѣ Августъ Бебель сказалъ между прочимъ:

«Это *скандалъ* для нашихъ условій, что мы стоимъ со связанными руками противъ этихъ нападокъ», т. е. противъ неслыханныхъ оскорбленій, наносимыхъ императоромъ «самой сильной нѣмецкой партіи».

Да, это скандалъ! Но еще большій скандалъ, что соціалисты всего міра должны бояться Германіи, что ни одинъ изъ нихъ не чувствуетъ себя безопаснымъ въ ея предѣлахъ, что въ Германіи нельзя созвать международнаго соціалистическаго конгресса, что германскіе войска грозятъ пролетаріату сосѣднихъ странъ.

Нѣмецкимъ соціалдемократамъ слѣдуетъ серьезно задуматься надъ причинами этого скандала, имъ слѣдуетъ также задуматься, не скандалъ-ли, что вожди нѣмецкой соціалдемократіи, по заявленію Бебеля въ той же рѣчи «къ нѣмецкому народу», совѣтуютъ рабочимъ по приказу хозяевъ подписывать адресы императору съ выраженіемъ сочувствія оскорбленіямъ, наносимымъ нѣмецкой соціалдемократіи?

«Мы сказали имъ» — говоритъ Бебель — «подписывайте только! Работодатели хотятъ быть обманутыми, такъ обманывайте ихъ!»

И эти слова «Vorwärts» печатаетъ чернымъ шрифтомъ, чтобы отмѣтить ихъ значеніе.

Да, они имѣютъ огромное значеніе, но не то, которое имъ придаютъ вожди нѣмецкой соціалдемократіи.

Эти слова напоминаютъ слова Либкнехта въ рѣчи противъ Домела Ньювенгуиса.

«Что пользы, если бы небольшая сравнительно часть солдатъ, принадлежащая къ нашей партіи, отказалась служить? Ихъ бы предали военному суду и разстрѣляли».

И такъ служите въ солдатахъ, подписывайте оскорбительныя для товарищей петиціи!

Правительство и хозяева «хотятъ быть обманутыми», такъ обманывайте ихъ?

Но не обманываете ли вы этимъ и самихъ себя, не поддерживаете ли вы этимъ обманомъ того строя, который угнетаетъ, какъ васъ, такъ и всѣхъ вашихъ иностранныхъ братьевъ?

Не слишкомъ ли вы увлекаетесь вашей парламентской борьбой, въ которой вы терпите неудачу за неудачей? Не слишкомъ ли большое значеніе придаете вы вашимъ избирательнымъ успѣхамъ?

Римская стачка 1903 г.

«Ты знаешь ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ»,
«Гдѣ въ темныхъ листахъ померанецъ, какъ золото, рдѣетъ»,
«Гдѣ сладостный вѣтеръ подъ небомъ лазоревымъ вѣетъ»,
«Гдѣ скромная мирта и лавръ горделивый растутъ?»

Такъ воспѣвалъ Италію Гете въ своей знаменитой «Пѣснѣ Миньоны».

Дѣйствительно, Италія — чудный край съ благодатнымъ климатомъ, съ плодоносными полями, лимонными рощами, съ синимъ теплымъ моремъ, но среди всей этой благодатной природы народнымъ массамъ живется хуже, чѣмъ въ холодной, угрюмой Норвегіи или туманной Англіи. Италія лучше, чѣмъ какая-нибудь другая страна, показываетъ, что причина бѣдствій трудящихся массъ лежитъ не въ бѣдности природы, а въ несправедливости общественнаго устройства. Нивы Италіи плодоносны, рощи ея рдѣютъ померанцами, но надъ ними, увы, тяготѣетъ хищная рука капиталистовъ-землевладѣльцевъ, и онѣ служатъ лишь для того, чтобы выжимать изъ безземельныхъ крестьянъ и батраковъ ихъ кровь и потъ, превращающихся въ ренты и проценты!

Много необычайно красивыхъ зданій, много сказочныхъ дворцовъ въ итальянскихъ городахъ, но вокругъ нихъ ютится масса бездомныхъ, безработныхъ, голодныхъ людей!

Чудная страна Италія, богатые туристы стекаются въ нее со всѣхъ сторонъ, но голодъ гонитъ ея трудолюбивыхъ сыновъ въ Америку, во Францію, въ Швейцарію, и всюду итальянцы предлагаютъ за безцѣнокъ свои «рабочія руки».

Дьяволы капитализма и милитаризма дѣлаютъ изъ этой страны съ райской природой настоящій адъ для всѣхъ трудящихся и неимущихъ. Но аду скоро придетъ конецъ. Часть трудящихся бѣжитъ изъ Италіи, часть въ отчаяніи хватается за динамитъ и кинжалы, чтобы уйти изъ этого міра, нарушивъ покой сытыхъ; но большинство, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ организуется въ рабочіе союзы и начинаютъ вести упорную борьбу съ дьяволами, тяготѣющими надъ

страной. Не мало рабочей крови пролилось въ этой борьбѣ, еще болѣе прольется въ ближайшемъ будущемъ, но и въ Италіи передъ организованнымъ пролетаріатомъ не устоять въ концѣ концовъ всѣмъ силамъ адовымъ: въ Италіи сытые и пресыщенные озираются кругомъ особенно пугливо... При вѣсти о провозглашеніи въ апрѣлѣ 1903 г. всеобщей стачки въ Римѣ туземныхъ и иностранныхъ богачей охватила настоящая паника. Поѣзда, отходившіе изъ Рима, буквально осаждались туристами, спѣшившими перебраться въ болѣе спокойное мѣсто. Страхъ былъ преувеличенъ. Римская стачка, начавшаяся въ началѣ апрѣля 1903 г. забастовкой типографщиковъ, къ которой по симпатіи присоединилось нѣсколько десятковъ тысячъ трудящихся другихъ профессій, прошла спокойно и быстро прекратилась...

Формально рабочіе потерпѣли пораженіе, но такія пораженія не ослабляютъ солидарности рабочихъ и не убиваютъ идею, великую идею всеобщей стачки. Разъ проявившись, идея всеобщей стачки будетъ жить и развиваться и въ Италіи, и во всемъ остальномъ мірѣ. Римская стачка была лишь легкимъ колебаніемъ буржуазной почвы, но колебаніе это — предзнаменованіе великаго землетрясенія...

Не даромъ улицы Рима заполнились солдатами, не даромъ при первомъ же извѣстіи о всеобщей стачкѣ дьяволъ милитаризма зарычалъ и ощетинился, готовясь противъ рабочихъ въ блузахъ направить рабочихъ въ мундирахъ.

Но они — эти разъединенные братья все больше и больше начинаютъ узнавать другъ друга; и скоро солдатъ стряхнетъ съ себя власть дьявола милитаризма, чтобы броситься на помощь къ своему брату — рабочему, изнемогающему подъ гнетомъ дьявола капитализма.

«Настанетъ день и съ ружьемъ на плечѣ и съ патронами въ сумкѣ ты пойдешь, повинуясь приказу, къ тому городу, гдѣ рабочіе люди, такіе же труженики какъ ты, изнемогающіе отъ притѣсненій, которыя ты и самъ не разъ испытывалъ на себѣ, оставили мастерскія и устроили стачку. Тебя приведутъ въ тотъ городъ для того, чтобъ ты помогъ притѣснять своего брата рабочаго. На то ты и солдатъ.

Мертвая тишина царитъ въ рабочемъ кварталѣ. Гулко раздается шаги твоихъ шаговъ да звяканья оружія. Не дымятся высокія фабричныя трубы, неподвижно стоятъ машины, все какъ будто вымерло. Ушли рабочіе, а вмѣстѣ съ ними ушла и жизнь. И вотъ, между этой заснувшей блудницей-фабрикой, столько лѣтъ пожиравшей плоть и кровь рабочаго, между фабрикой и справедливымъ гнѣвомъ участниковъ стачки поставятъ тебя съ ружьемъ въ рукахъ.

И въ этотъ мигъ ты, сынъ рабочаго и самъ рабочій, ставшій солдатомъ, ты увидишь передъ собой, быть можетъ передъ самымъ дуломъ твоего ружья, увидишь беззащитную грудь рабочаго, грудь твоего брата, и одно твое движеніе можетъ превратить тебя въ гнуснаго убійцу. Одно движеніе! Но ты его не сдѣлаешь. Ты не въ правѣ убивать своего друга, своего брата, своего отца, ты поймешь, что есть нѣчто высшее, чѣмъ безмолвное повиновеніе бездушному приказанію начальника, съ которымъ у тебя не можетъ быть ничего общаго, есть нѣчто высшее, это твоя совѣсть, совѣсть обездоленнаго, которая тебѣ запрещаетъ убійство. Ты не станешь убивать!»*)

Да скоро солдатъ не станетъ убивать рабочаго! Скоро всеобщая стачка рабочихъ сольется со стачкой солдатъ и тогда... да здравствуетъ соціальная революція съ ея благою вѣстью для всѣхъ трудящихся и обездоленныхъ!

Ростовская стачка 1902 г.

Громовый ударъ массовой стачки раздался и въ Россіи. Стачка ростовскихъ пролетаріевъ по своему значенію можетъ быть поставлена рядомъ съ послѣдними массовыми стачками ихъ заграничныхъ собратій. И она носила характеръ всеобщности, и она въ высшемъ своемъ развитіи была не только возстаніемъ производителя противъ капиталиста-эксплуататора, но и возстаніемъ гражданина противъ угнетающаго его государственнаго строя.

---

*) Изъ «обращенія къ новобранцу» перев. съ франц. «Свободное Слово», № 4.

«Наука, изобрѣтенія, смѣлые замыслы, предпріимчивость, геніальность и улучшенія соціальнаго строя —говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій П. А. Кропоткинъ — сдѣлались стремленіями международными, и прогрессъ умственный, промышленный и соціальный не задерживается политическими границами: онъ переходитъ черезъ моря, проникаетъ сквозь горы, и степи не составляютъ для него препятствій.»

«Какъ будто существуетъ атмосфера, благопріятствующая зарожденію извѣстной идеи въ извѣстный моментъ»,—говоритъ онъ далѣе· — Атмосфера эта создана паромъ, печатью и общимъ запасомъ знаній.»

Несомнѣнно, что въ данный моментъ во всемъ мірѣ существуетъ атмосфера, способствующая зарожденію идеи всеобщей стачки, но эта идея зарождается не въ головахъ отдѣльныхъ теоретиковъ, она зарождается въ нѣдрахъ самого пролетаріата, она зарождается въ моментъ массового движенія.

За ноябрской стачкой въ Ростовѣ-на-Дону несомнѣнно послѣдуютъ новыя массовыя и всеобщія стачки въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и скоро практика пролетарскихъ массъ принудитъ теорію русскихъ соціалистовъ, принять идею всеобщей стачки, идею великаго возстанія производителя на почвѣ производства, гражданина на почвѣ государственныхъ повинностей.

«Мы думали, что мы очень отстали въ международрабочемъ движеніи, пишетъ голландскій соціалдемономъ кратъ Гортеръ, приступая къ описанію послѣдней всеобщей стачки въ Голландіи. Крупная промышленность развита въ Голландіи еще очень мало. Преобладаніе мелкихъ хозяйствъ, анархическая пропаганда, сила религіозныхъ представленій, тупое равнодушіе массъ, — все это тормозитъ развитія рабочаго движенія. Положеніе для ближайшаго будущаго не внушала большихъ надеждъ; но пролетаріатъ не поддается разсчету. Всѣ силы будущаго дремлютъ въ немъ и, какъ нельзя точно опредѣлить моментъ «когда изъ облаковъ ударитъ молнія, такъ не поддаются точному предварительному опредѣленію и взрывъ революціонной энергіи, собранной въ пролетаріатѣ. Существуютъ критическіе періоды, протекающіе глухо и тяжело: небольшихъ порывъ вѣтра, незамѣтное наруше-

ніе равновѣсія, — и сгустившіяся облака разряжаются могучею бурей.»

Эти слова, если изъ нихъ выкинуть анархическую пропаганду, вполнѣ примѣнимы къ Россіи и къ ея ростовской стачкѣ. Даже тѣ изъ нашихъ товарищей соціалистовъ, которые вели пропаганду среди ростовскихъ рабочихъ, были поражены грандіозностью революціонныхъ силъ, скопившихся въ этой, казалось, инертной толпѣ.

И ростовское движеніе, какъ голландское, началось по незначительному, сравнительно, поводу, и ростовскій взрывъ, какъ и голландскій, произведенъ легкимъ порывомъ вѣтра, незамѣтнымъ нарушеніемъ равновѣсія.

Въ субботу 2-го ноября котельники владикавказскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ рѣшили забастовать, протестуя противъ неправильнаго производства расплатъ.

4-го ноября къ стачкѣ примкнули рабочіе всѣхъ остальныхъ цеховъ, и работа желѣзнодорожныхъ мастерскихъ прекратилась. При содѣйствіи донского соціалдемократическаго комитета, дѣйствовавшаго во все время стачки необычайно энергично, были выработаны требованія рабочихъ. — Главныя изъ нихъ — 9-ти часовой рабочій день, работа подъ праздникъ до 2 часовъ, повышеніе зараб. платы на 20% и расцѣнокъ такъ, чтобы они состовляли не менѣе 50% жалованья, отмѣна штрафовъ за неявку на работу, вѣжливое обращеніе мастеровъ и удаленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, школа для дѣтей рабочихъ и т. д.

Стачечники въ числѣ 3.800 человѣкъ собрались на дворѣ депо и потребовали начальника мастерскихъ, чтобы предъявить ему свои требованія. Вмѣсто начальника явился жандармскій полковникъ и обратился къ стачечникамъ съ рѣчью; но его не слушали и забросали прокламаціями. «Долой посредниковъ»! кричала толпа, и жандарму пришлось удалиться. Началась сходка. Съ первою рѣчью выступилъ рабочій, говорившій о борьбѣ съ капиталомъ рабочихъ въ Западной Европѣ, о томъ, что эта борьба — единственный путь къ улучшенію положенія рабочаго класса. Затѣмъ выступилъ интеллигентъ, онъ говорилъ о связи экономической борьбы съ политической. На

другой день о стачкѣ зналъ весь Ростовъ. Движеніе скоро захватило почти всѣ фабрики, заводы и мастерскія Ростова.

Стачка становилась всеобщей. Болѣе или менѣе продолжительныя забастовки были на табачныхъ фабрикахъ Асмолова, Кушнарева, на чугунолитейномъ заводѣ Дутикова, на писчебумажной фабрикѣ Паченко, на плугостроительномъ заводѣ «Аксай» и т. д. «Поднялись» и ремесленники: переплетчики, булочники, портные... Стачка газовщиковъ и трамвайщиковъ была предупреждена немедленнымъ выполненіемъ ихъ требованій.

«Эпидемія стачекъ» перенеслась изъ Ростова въ Нахичевань, въ желѣзнодорожныя мастерскія станицы Тихорѣцкой, въ Новороссійскъ, на ст. Минеральныя воды, Бесланъ, Владикавказъ. Центромъ движенія все время оставалась стачка рабочихъ ростовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Они продержались цѣлыхъ три недѣли.

Сходки, перенесенныя изъ двора мастерскихъ на такъ называемую Темерницкую балку, превратились въ настоящіе народные митинги подъ открытымъ небомъ, которыми такъ гордится свободная Англія.

На нѣкоторыхъ «сходкахъ» участвовало до 20.000 человѣкъ. Ораторы выступали съ *политическими* рѣчами, громили самодержавный строй, призывали къ борьбѣ за политическую свободу. Толпа съ необычайной быстротою проникалась настроеньемъ ораторовъ и такъ сказать воспитывалась политически. Нападенія на самодержавіе встрѣчались сначала холодно и даже враждебно, но эта враждебность быстро смѣнилась сочувствіемъ подъ вліяніемъ толковыхъ рѣчей вожаковъ, подъ вліяніемъ звѣрствъ царскихъ опричниковъ, подъ вліяніемъ стихійнаго воодушевленія, подъ вліяніемъ инстинктивнаго чувства радости, охватывающаго людей, рѣшившихся протестовать, рѣшившихся во что бы то ни стало говорить и дѣйствовать свободно...

«Начальство» сначала совершенно растерялось и не рѣшалось пускать въ ходъ военную силу для прекращенія сходокъ.

7-го ноября по требованію «министровъ» атаманъ войска донского, пріѣхавшій въ Ростовъ, попытался

устрашить толпу. На сходку явились казаки. Начальникъ ихъ предложилъ толпѣ разойтись въ противномъ случаѣ онъ долженъ будетъ разогнать ее казацкой атакой.

«Пусть наша кровь прольется, пусть насъ топчутъ — не расходиться!» — раздались многочисленные голоса.

Казаки отъѣхали саженей на 30 и, затѣмъ понеслись карьеромъ на толпу. Руководитель сходки скомандовалъ «сядьте!» Толпа сѣла на землю, какъ одинъ человѣкъ. Вожакъ-ораторъ возвышался надъ ней. Казаки, доскакавъ до сидѣвшихъ, остановились. Эсаулъ опять вступилъ въ переговоры и въ концѣ концовъ увелъ казаковъ.

Сходки-митинги въ субботу и воскресенье 9-го и 10-го ноября были разрѣшены атаманомъ войска донского.

«Въ воскресенье 10-го картина собранія» — пишетъ одинъ изъ очевидцевъ — «была потрясающая.*) Еще издали я видѣлъ, что пригорье Темерницкой балки точно усыпано муравьями, подхожу и вижу: народъ буквально валитъ. Я видѣлъ стариковъ на костыляхъ, я видѣлъ стариковъ и слабыхъ, которымъ помогали идти, я видѣлъ, какъ на крутомъ мѣстѣ слабые карабкались на четверенькахъ. Мнѣ казалось, что я во снѣ. Толпа на мѣстѣ достигала 30 тысячъ. Казаки размѣстились вольно (кое-кто сидѣлъ), шутили. Эсаулы стояли, большинство опустивъ головы. Ораторы замедлили, и толпа волновалась, боясь, что они уже арестованы. Когда они явились, ихъ встрѣтили радостными привѣтствіями. Ораторы передали привѣтъ и пожеланіе успѣха отъ воронежскихъ рабочихъ»...

«Мѣсто сходки было очень удобное» — сообщаетъ другой очевидецъ**) «оно представляло собою амфитеатръ. Глубокая балка, внизу на плечахъ появлялись ораторы, а со всѣхъ сторонъ, по скатамъ балки, стояла 25.000 толпа, которая съ напряженнымъ вниманіемъ слушала, не пропуская ни одного слова изъ рѣчей ораторовъ. Картина была поразительно вели-

*) См. «Красное Знамя» № 2.

**) См. Листки «Жизни» № 12.

чественная! Сверху толпа представляла собой громадный движущійся муравейникъ, раздавался только глухой топотъ ногъ, такъ какъ было холодно; съ двухъ сторонъ стояли казаки и «охраняли присутствующихъ отъ «несчастій». Тутъ же неподалеку отъ сходки, успѣлъ образоваться настоящій рынокъ; здѣсь стояли со своими «лотками» торговки и торговцы, на которыхъ продавались яблоки, пряники, пирожки и др. мелочь. Все у нихъ бралось на расхватъ. На сходкѣ царила удивительная дисциплина. Ораторы въ своихъ рѣчахъ касались не только узкихъ рамокъ стачки, они говорили на широкія политическія темы, говорили объ общемъ государственномъ строѣ Россіи въ связи съ экономической борьбой. Послѣ сходки былъ сдѣланъ сборъ и изъ мѣдяковъ составилось 6.342 руб. 86 коп.; вечеромъ этотъ сборъ возросъ до 10.000 руб.; деньги притекали также и со стороны. Къ 3-мъ часамъ можно было наблюдать обратное движеніе волны, къ которой примыкали любопытные. Начиная отъ вокзала, по обѣимъ сторонамъ шли безъ конца люди всякихъ званій и положеній.»

Но тутъ уже полетѣли самыя рѣшительныя телеграммы изъ Петербурга.

«Не уступать ничего, всячески подавить движеніе», телеграфировалъ министръ путей сообщенія «куцый» Хилковъ.

«Не уступать, принять всѣ мѣры къ водворенію порядка, если нужно, стрѣлять», телеграфировалъ военный министръ Куропаткинъ.

Для распоряженій по возстановленію порядка министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве прислалъ своего двоюроднаго брата.

Первый актъ возстановленія порядка произошелъ въ ночь на 11-ое, въ ночь послѣ самаго грандіознаго мирнаго митинга.

Восемь вооруженныхъ жандармовъ въ 2 часа ворвались съ обнаженными шашками въ одинъ изъ домовъ на Темерникѣ, въ которомъ, какъ они думали, хранятся деньги, собранныя въ пользу стачечниковъ.

Несчастная мать рабочаго, подозрѣваемаго въ храненіи денегъ, спасая своего сына отъ шашки стала сама жертвой дикаго неслыханнаго насилія: ей отрубили обѣ руки выше кисти, и она на утро истекла

кровью и умерла въ страшныхъ мученіяхъ. Фамилію рабочаго называли — Сырокоумскій. Онъ спасся, выскочивъ въ окно, сестру же его 15-16 лѣтнюю дѣвочку оглушили сонную, чѣмъ то тупымъ въ голову ву. Искали другого сына и дочь несчастной матери, но ихъ не было дома, они были по сосѣдству. Обыскавъ и изрывъ все въ домѣ и не найдя никакихъ денегъ, вся эта свора убійцъ ушла изъ дому.

Вѣсть о ночномъ вооруженномъ нападеніи отъ на домъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, облетѣла на другой день съ быстротой молніи весь Ростовъ.

11-го появились на улицахъ новые листки атамана. Администрація била отбой. 1) Рабчія сходки *безусловно* воспрещаются; 2) рабочіе, препятствующіе желающимъ итти на работу будутъ забраны и этапнымъ порядкомъ высланы въ отдаленныя губерніи и 3) участники сходокъ будутъ немедленно арестованы. Всѣ эти бумажки не имѣли никакого вліянія на массу, Народъ валомъ валилъ на Темерникъ и, несмотря на то, что были приняты мѣры, чтобы загородить доступъ черезъ полотно дороги, на сходкѣ присутствовало до 15000 тысячъ. Въ этотъ день до 12 часовъ дня было три стычки съ казаками; балка была оцѣплена, туда никого не пускали. Что интереснѣе всего, такъ это то, что женщины во всѣ эти дни составляли собой боевой отрядъ, который у всѣхъ поддерживалъ бодрое настроеніе. Здѣсь были даже съ грудными дѣтьми — жены рабочихъ. Старики, старушки и дѣти принимали самое живое участіе. Пьяныхъ совсѣмъ не было. «Ораторы не позволяютъ»,—говорили по этому поводу многіе.

Поводомъ къ первой стычкѣ послужило варварское избіеніе одной старушки, которая, вопреки запрещеніямъ, направлялась къ балкѣ; ее отбили у казаковъ *женщины*, засыпавъ казаковъ (ихъ было 8 человѣкъ) градомъ камней, отъ которыхъ казаки обратились въ позорное бѣгство съ подбитыми боками и головами. Вторая стычка произошла такъ. Былъ данъ сигналъ къ наступленію—толпа сѣла на землю, думая этимъ остановить лошадей, но это не помогло. Тогда толпа вступила въ рукопашную съ конными казаками, у которыхъ ей удалесь отнять массу пикъ. При этомъ толпа сбросила четырехъ казаковъ съ ло-

шадей; лошади ускакали въ поле. «Православное воинство» никакъ не ожидало такого отпора и такой встрѣчи и отступило подъ градомъ камней. Здѣсь въ этой стычкѣ оказались раненные съ двухъ сторонъ, больше же, впрочемъ, оказалось раненныхъ «воиновъ». Третья стычка не привела ни къ чему. Началась эта стычка съ того, что толпа разобрала заборы и стала вооружаться, чѣмъ попало. Казаки при этомъ начинали всегда первые, раздавая на право и на лѣво удары своими нагайками.

Тѣмъ временемъ шла сходка рабочихъ на перекресткѣ двухъ улицъ, среди домовъ, она тамъ продолжалась и въ слѣдующіе дни. Когда сходка кончилась и начали расходиться по домамъ, сдѣланъ былъ подоспѣвшими сюда казаками безъ всякаго предупрежденія ружейный залпъ, результатомъ чего было поднято 4 убитыхъ, 8 раненыхъ. Кромѣ того было поднято 4 тяжело-раненыхъ, изъ которыхъ 3 умерло: одинъ въ тотъ же день, а два на утро; всего, значитъ, убито 7 человѣкъ. Изъ убитыхъ нѣсколько постороннихъ лицъ.

12-го ноября появились третьи по счету «бумажки отъ администраціи». «Задушевное (отъ слова «задушитъ», какъ его здѣсь объясняли рабочіе) слово къ русскимъ рабочимъ» генерала-лейтенанта Богдановича, извѣстнаго царскаго блюдолиза. Всѣ эти листки срывались рабочими въ тотъ же день, такъ что и желающій прочесть это «задушевное слово» не могъ найти цѣлаго листка, несмотря на то, что расклеенъ онъ былъ по всѣмъ заборамъ города. Въ этотъ же день была опять сходка, на которой было больше 15.000 человѣкъ. Казаковъ убрали и сходка окончилась мирно. Вынесли убитаго старика и ему тутъ же собирали на похороны. Картина не поддающаяся описанію. Около трупа стояли жена и дочь съ изступленными отъ ужаса лицами. Въ среду прискакали въ Ростовъ на «подкрѣпленіе» 2 сотни кубанскихъ казаковъ. Городъ производилъ впечатлѣніе осажденнаго непріятельскаго лагеря. Цѣлый день и ночь дефилировали по городскимъ улицамъ военные патрули въ полной боевой формѣ.

13-го и 14-го ноября все продолжались сходки и не было слышно ни одного голоса, призывавшаго къ

работѣ, всѣ единодушно стояли на своемъ. Съ пѣснями и флагами, съ гикомъ и свистомъ, какъ орда Батыя, двигались казаки по Садовой ул., сзывая народъ на дикое свое зрѣлище. Нѣкоторые ожидали. что рабочіе спустятся въ городъ, буржуи умирали со страху Казенныя пивныя лавки съ 4-го числа были всѣ закрыты, такъ же, какъ и гостинницы, пивныя, рестораны, словомъ, гдѣ только были винные напитки, все было закрыто. Боялись, что будутъ громить ненавистныхъ буржуевъ. Но рабочіе себя вели замѣчательно спокойно во все время сходокъ. Нѣкоторыя группы рабочихъ теперь принялись за работу, но не всѣ. Многихъ уже повысылали этапнымъ порядкомъ «на родину», а семьи ихъ остались въ Ростовѣ голодать. Сходки же между тѣмъ происходили все время вдали отъ вокзала, около Балабановской рощи. Арестовано человѣкъ 20 изъ стачечниковъ. Одинъ изъ ораторовъ Б. арестованъ, что же касается до второго оратора И. И. С., то полиція никакъ не можетъ напасть на его слѣдъ. Этотъ послѣдній пользуется громаднымъ авторитетомъ среди рабочихъ. На смѣну Б. выступило нѣсколько человѣкъ новыхъ ораторовъ».

Управленіе Владикавказской желѣзной дороги рѣшило было уступить рабочимъ, исполнивъ всѣ ихъ требованія; но этого не допустили представители государства, не допустили министры.

Не позволено было сдѣлать уступокъ и стачечникамъ другихъ мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ.

«Мирный бунтъ», какъ называлъ народъ ростовскую стачку, въ интересахъ государственной безопасности, въ интересахъ сохраненія современнаго буржуазнаго строя долженъ былъ быть подавленъ безъ всякихъ сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ. «Усмиреніе» стало принимать все болѣе звѣрскія формы.

Вотъ, напримѣръ, какъ по разсказу очевидца, помѣщенному въ № 12 „Листковъ «Жизни»", усмиряли стачечниковъ на ст. Тихорѣцкой.

«Въ воскресенье, 17-го ноября, когда я проѣзжалъ, въ 12 часовъ дня былъ произведенъ ружейный залпъ; было масса народу; всѣ сѣли, нѣкоторые даже легли, но казаки не стѣснялись ничѣмъ и кололи, топтали, давили всѣхъ; принимала участіе и пѣхота изъ Екатеринодара. На мѣстѣ было убито 15 человѣкъ,

умерло изъ раненныхъ 9 человѣкъ, всего 24 убитыхъ. Раненныхъ 52 человѣка. Трупы везли на повозкахъ, какъ мѣшки съ зерномъ и мѣсто, гдѣ проѣзжали эти повозки, было залито кровью. Это напоминало рѣзню башибузуковъ. Старались убить, какъ можно большее число. Былъ данъ и такой приказъ. Распоряжался бойней самъ начальникъ Кубанской Области генералъ Малама. Вся свора жандармовъ и казаковъ носилась съ гиканьемъ и свистомъ, рубя на право и на лѣво съ остервенѣніемъ. Кровавый поѣздъ несчастныхъ жертвъ азіатскаго произвола на всѣхъ нагналъ гнетущее впечатлѣніе. Рабочихъ, послѣ бойни, выгоняли на улицу: здѣсь рабочіе живутъ преимущественно въ казенныхъ постройкахъ. Снова продолжалось избіеніе. ихъ гнали куда-то, грабили ихъ имущество, лишая несчастныхъ послѣдняго. Казаки производили насиліе, рыли все въ домахъ и цѣнное уносили съ собой. Словомъ, занимались грабежомъ и разбоемъ. Изъ нихъ яко-бы за грабежъ захвачено 30 человѣкъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ случай дикой варварской расправы. Въ одинъ домъ врываются казаки. За столомъ сидятъ мужъ и жена. Мужъ—машинистъ только что смѣнился и ужиналъ съ своей женой, которая была беременна. Дѣти спали. Казаки насильно выталкиваютъ изъ дома мужа на улицу. Жена хочетъ узнать въ чемъ дѣло, но ей въ это время ударомъ шашки располосовали животъ. Подобныхъ случаевъ немало. Я не могу передавать всего, потому что я и такъ переболѣлъ за это время немало»...

Въ концѣ концовъ «мирный бунтъ» былъ усмиренъ. 25 ноября всѣ рабочіе ростовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ принялись за работу, не добившись удовлетворенія своихъ требованій.

Въ то же время начались массовые высылки и аресты.

Иначе этотъ «мирный бунтъ въ данное время и не могъ кончиться.

Для обыкновенной стачки онъ былъ слишкомъ революціоненъ; для революціи онъ былъ слишкомъ обособленъ, изолированъ.

Ростовскіе рабочіе стали лицомъ къ лицу съ русскимъ «государствомъ», и, они, конечно, не могли побѣдить и не могли даже добиться тѣхъ экономиче-

скихъ уступокъ, которыхъ они, вѣроятно, добились бы, если бы стачка не превратилась въ мѣстное политическое движеніе, если бы она не вышла за предѣлы желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Но жалѣть ли объ этомъ?

Я думаю, что всѣ сознательные пролетаріи единогласно скажутъ: «нѣтъ, не жалѣть!»

Борьба пролетаріата немыслима безъ жертвъ и страданій, но рѣдко эти жертвы и страданія даютъ такъ много для рабочаго движенія, какъ несомнѣнно дали ростовскія событія. Они прояснили сознаніе у сотенъ тысячъ пролетаріевъ, какъ тѣхъ которые непосредственно принимали въ нихъ участіе, такъ и тѣхъ, которые слѣдили за ними съ замираніемъ сердца.

Такими «неудачными» массовыми стачками подготовляется великая всеобщая стачка-революція, которая разобьетъ современную государственную машину и откроетъ русскому народу вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ широкую вольную дорогу къ соціалистическому братству, гдѣ нѣтъ мѣста угнетенію человѣка человѣкомъ, гдѣ всѣмъ даны равныя условія для всесторонняго развитія и совершенствованія, гдѣ царитъ безграничная свобода убѣжденій, гдѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, гдѣ нѣтъ ни чиновниковъ, ни военныхъ, гдѣ нѣтъ ни висѣлицъ, ни тюремъ, гдѣ всѣ — товарищи-работники. Это пролетарское царство выростаетъ изъ пролетарской борьбы, изъ пролетарскихъ страданій! Оно близится подъ грохотъ всеобщихъ стачекъ, подъ грохотъ «мирныхъ бунтовъ», пролетарскихъ возстаній противъ капиталистическаго государства, противъ государственнаго капитализма. Въ борьбѣ и страданіяхъ, въ побѣдахъ и пораженіяхъ соединяются пролетаріи всѣхъ странъ!

Послѣсловіе.

Мы заканчиваемъ наши очерки, но исторія всеобщихъ стачекъ не заканчивается, а лишь начинается. Не кончился еще и ея первый періодъ. Со всѣхъ концовъ міра телеграфъ продолжаетъ приносить извѣстія о массовыхъ стачкахъ, принимающихъ характеръ всеобщихъ. Проявляются первые проблески стачекъ не только національныхъ, но и международныхъ. Если бы «вожди» не прекратили такъ скоро голландскую стачку, ее бы, навѣрное, поддержали французскіе синдикаты, объединенные въ «Всеобщую Конфедерацію Труда», которая ставитъ своею цѣлью подготовиться къ побѣдоносной всеобщей стачкѣ. Ея комитетъ обратился съ воззваніемъ къ французскимъ рабочимъ, приглашая поддержать голландскихъ товарищей, и доковые рабочіе въ Марсели, Дюнкирхенѣ и т. д. начали уже бойкотировать голландскіе суда, когда пришло извѣстіе о прекращеніи стачки. Болѣе чѣмъ когда-нибудь соціалистамъ всѣхъ странъ слѣдовало бы собраться на международный конгрессъ и обсудить планъ дѣйствій, но члены соціалистическаго бюро нашли, напротивъ, необходимымъ отложить Амстердамскій конгрессъ на цѣлый годъ въ виду предстоящихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ. Нѣмецкіе выборы этимъ настоящимъ и будущимъ парламентскимъ дѣтелямъ кажутся важнѣе всеобщихъ стачекъ, важнѣе этихъ грандіозныхъ проявленій классовой борьбы, быстро приближающей соціальную революцію. Десятокъ новыхъ соціалдемократическихъ депутатовъ въ германскомъ рейхстагѣ для нихъ важнѣе десяти всеобщихъ стачекъ почти одновременно вспыхнувшихъ въ десяти различныхъ странахъ, стачекъ въ которыхъ сотни тысячъ пролетаріевъ проявили такую удивительную классовую солидарность, такую удивительную готовность на всевозможныя жерты во имя освобожденія человѣчества.

Они какъ будто не понимаютъ значенія переживаемаго момента, не понимаютъ того, что такъ ясно сознаетъ Крапоткинъ.

«Хорошо пробудить въ себѣ энергію—писалъ онъ

18 марта 1903 г. устроителямъ лондонскаго митинга въ память парижской комунны—«вдохновившись памятью о славномъ сраженіи, въ которомъ выступили тридцать два года тому назадъ парижскіе работники противъ соединенныхъ силъ интернаціональнаго капитализма!»

Тѣмъ болѣе теперь, когда мы вступаемъ въ періодъ всеобщаго пробужденія рабочихъ, когда такъ громко провозглашаются и блестяще оправдываются жизнью идеи интернаціональной солидарности рабочихъ всѣхъ народовъ и союзовъ,какъ это особенно проявилось въ послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ.

Духъ стараго «Международнаго Товарищества Рабочихъ», создавшій Парижскую Коммуну, вновь ожилъ. Онъ проявился въ всеобщихъ стачкахъ въ Барцелонѣ, въ различныхъ меньшихъ городахъ Андалузіи, въ Бельгіи, въ Женевѣ, въ Голландіи.

Онъ поддерживаетъ и вдохновляетъ народившееся во Франціи широкое, великое и могущественное движеніе, подготовляющее всеобщую стачку. Возможность послѣдней доказана. Значеніе ея очевидно. Вотъ почему буржуазія такъ трепещетъ передъ ней...

Всеобщая стачка не есть еще соціальная революція. Но она будетъ актомъ объединенія рабочихъ, актомъ, который раздѣлитъ все общество на два лагеря: лагерь трудящихся и — ничего не дѣлающихъ. Она поставитъ передъ человѣчествомъ великую проблему Труда и Эксплуатаціи, во всей ея наготѣ, безъ всякихъ прикрасъ.

Тридцать два года не прошли безслѣдно, особенно для латинскихъ странъ. Всюду пробуждается коммунистическое движеніе.

«Работайте сами для себя, — и пусть другіе слѣдуютъ за вами», «Не приказывайте, а поучайте примѣромъ», современный пролетарій понялъ этотъ завѣтъ коммуны. И онъ начинаетъ воспринимать и второй: «Коммунистическій строй безъ замедленія, — вотъ что необходимо для жизни и труда».

Будемъ же трудиться для этого и вѣрить, что въ скоромъ времени оба принципа будутъ примѣнены на дѣлѣ!»

Оглавленіе.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія соціал-демократической организаціи «Жизнь»:

ЖУРНАЛЪ «ЖИЗНЬ» И «ЛИСТКИ ЖИЗНИ».

«Жизнь» No. 1, апрѣль, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол., 3 шведск. крон. 65 ор.

«Жизнь» No. 2, май, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол., 3 шведск. крон. 65 ор.

«Жизнь» No. 3, іюнь, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол.. 3 шведск. крон. 65 ор.

«Жизнь» No. 4, іюль, 1902 года. Цѣна 1 р. 15 к., 3 фр., 2 марк. 35 пф., 3 крон., 2 шил., 4 пен., 60 цент., 2 шведск. крон. 15 ор.

«Жизнь» No 5, августъ, 1902 года. Цѣна 1 руб. 15 коп., 3 франка, 2 марки 35 пфениговъ., 3 кроны, 2 шиллинга 4 пен., 60 цент., 2 шведск. крон. 15 ор.

«Жизнь» No 6, сентябрь-декабрь, 1902 года. Цѣна 1 руб. 50 коп., 4 фр., 3 марки, 4 крон., 3 шил., 75 цент., 3 шведск. крон. 15 ор.

«Первое Мая» майскій иллюстр. листокъ «Жизни». Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пенс., 20 цент., 80 шведск. ор.

Листки «Жизни» NoNo. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Цѣна каждаго 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
— No 11 и 12. Цѣна каждаго 10 коп., 25 сант., 20 пф., 25 гел., $2\,^1/_2$ пен., 5 цент., 20 шведск. ор.

БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ».

No. 1. **«Ткачи»**, драма Г. Гауптмана, съ 2 иллюстраціями. Цѣна 80 коп., 2 фр., 1 марк. 65 пф., 2 крон., 1 шил. 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 2. **«Бебель о Бернштейнѣ»**, съ портретомъ А. Бебеля. Цѣна 80 коп., 2 фр., 1 марк. 65 пф., 2 крон., 1 шил. 8 пен , 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 3. **«Пролетаріатъ и Армія»**, Г. Лагарделя. Цѣна 80 коп., 2 франка, 1 марка 65 пфен., 2 кроны, 1 шиллингъ 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 4. **«Изъ жизни духовенства»** (сборникъ). Цѣна 60 коп., 1 фр. 50 сант., 1 марк. 20 пф., 1 кр. 50 гел., 1 шил. 2 пен., 30 цент., 1 шведск. крон. 15 ор.

No. 5. **«Сказка про то, какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться»**, П. Барыковой. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цента, 8 шведск. ор.

No. 6. **«Благотворительность»**, Разсказъ П. Гезп, Перев. съ французск. А. М. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 7. **«Дѣло Павловскихъ крестьянъ»**. Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пен., 30 цент., 80 шведск. ор.

No. 8. **«Общество „Земля и Воля»**, Е. Серебрякова. Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пен., 20 цент., 80 шведск. ор.

No. 9. **«Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ»**, Л. Плохоцкаго (2-ое изданіе). Цѣна 20 коп., 50 сант., 40 пф., 50 гел., 5 пен., 10 цент., 40 шведск. ор.

No. 10. **«Стачка и бойкотъ»**. Цѣна 10 коп., 25 сант., 20 пфен., 25 гел., $2^1/_2$ пен., 5 цент., 20 шведск. ор.

No. 11. **«Рабочіе союзы»**. Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент. 25 шведск. ор.

N. 12. **«Горе Натальи»**, разсказъ В. Л. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гек., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 13. **«Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ»**, Петербуржца. Цѣна 60 коп., 1 фр. 50 с., 1 марка 20 пфен., 1 крон. 50 гел., 1 шил. 2 пен., 30 центовъ, 1 шведск. крон. 15 ор.

No. 14. **«Бунтъ въ Горанахъ»**, Вл. Дебогорія-Мокріевича. Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 кр., 10 пен., 20 цент., 80 шведск. ор.

No. 15. **«Національно-политическая жизнь прусской Польши»**, Л. Плохоцкаго (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», No 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шведск. ор.

No. 16. **«На прямой путь»**, W. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», No 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шведск. ор.

No. 17. **«Значеніе сектантства для современной Россіи»**, В. Д. Бончъ-Бруевича (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шв. ор.

No. 18. **«Разгромъ политики сердечнаго попеченія»**, W. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни» № 1). Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гельд., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 19. **«Изъ исторіи франко-русскаго союза»**, В. П. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни» No 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пфен., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шведск. ор.

No. 20. **«Политика и офицеры»**, Е. Серебрякова. Цѣна 10 коп., 25 сант., 20 пф., 25 гел., $2^1/_2$ пен., 5 цент., 20 шведск. ор.

Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи», выработанный соціалдемократической организаціей «Жизнь», 2-ое изданіе.

Освобожденная «Жизнь», 2-ое изданіе.

За всѣми выпусками „Библіотеки Русскаго Пролетарія" просятъ обращаться:

1) Genève, 116, rue de Carouge, G. Koukline.

2) Genève, 15, rue de Candolle, Безплатная читальня Г. А. Куклина.

